

ВАСИЛИЙ САХАРОВ

МЕДИА
КНИГА

НОЧЬ СВАРОГА #5

БОЛЬШОЙ ПОГРОМ

Ночь Сварога

Василий Сахаров

Большой погром

«МедиаКнига»

2016

Сахаров В. И.

Большой погром / В. И. Сахаров — «МедиаКнига»,
2016 — (Ночь Сварога)

ISBN 978-5-227-07059-3

Война продолжается. Вновь католики собирают огромные армии крестоносцев и пытаются разгромить Венедский союз. Снова горят города и вытаптываются посевы, плачут женщины и дети, а мужчины с оружием в руках встречают врагов и погибают в сражениях. Чтобы выстоять, венедам нужна помощь союзников, и витязь Вадим Сокол приводит из степей половцев и чёрных клобуков, а с берегов Днепра – русских дружинников. Карающий меч возмездия обрушивается на Польшу и Священную Римскую империю. Войска противоборствующих сторон сталкиваются, и начинается битва, которая определит – жить венедам на своих землях или бежать.

ISBN 978-5-227-07059-3

© Сахаров В. И., 2016

© МедиаКнига, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Василий Сахаров

Большой погром

Пролог

Вормс. Зима 1150 от Р.Х.

Поздним зимним вечером в вольный имперский город Вормс въехала закрытая повозка, которую сопровождал десяток хорошо вооруженных конных рыцарей без опознавательных знаков и гербов. Воины были в броне, словно готовились к бою, и держались напряженно. Но заранее предупрежденные стражники пропустили путешественников без проволочек. Тем более что припозднившихся путешественников встречали, и когда повозка скрылась за углом, старый Хайнц Турс прислонил к стене копье и сказал:

– Видать, важная персона к герцогу в гости едет.

Поддерживая разговор, отозвался другой стражник, Иероним Сальтус:

– Готов поставить серебряный денарий против пары медных монет, что это архиепископ Майнца.

– Почему ты так решил? – спросил Турс.

– Я узнал рыцарей из сопровождения. Они тамплиеры и недавно были в городе вместе с архиепископом.

– Понятно.

Воины замолчали, а повозка, тем временем, мчалась по улицам города в сторону замка, и внутри нее находился не архиепископ, как считали стражники, а иная персона, которая путешествовала инкогнито. В гости к герцогу Фридриху Одноглазому ехал посланец папы римского кардинал-епископ Албано англичанин Николас Брейксспир, и об этом знал ограниченный круг лиц. Слишком важным было дело, которое по воле Евгения Третьего собирался обсудить с германским феодалом новый фаворит папы. По этой причине кардинал торопился и не хотел тратить время на общение с церковными служителями, которые, прослышав о его появлении, конечно же, пригласят его в гости.

Николас Брейксспир, которому не так давно исполнилось тридцать пять лет, был достойным сыном матери-церкви. В юношеском возрасте он покинул родной Хертфордшир и отправился в Париж, где прошел обучение, а затем принял постриг в монастыре Святого Руфуса в Арле. После чего, показав талант проповедника и свое рвение, он был избран приором, а позже аббатом.

Никогда Николас не задумывался о мирских благах, всегда старался брать пример с Бернарда Клервоского и управлял церковными владениями настолько сурово, что на него стали писать доносы и жалобы, которые попали в руки папы римского. Недоброжелатели считали, что таким образом смогут избавиться от аббата и добьются его ссылки на окраину цивилизованного мира. Но вышло иначе. Евгений Третий вызвал Николаса Брейксспира в Рим, приблизил его и сделал своим доверенным человеком. Немногие удаивались подобной чести. Поэтому англичанин был готов выполнять поручения папы римского со всем возможным рвением.

Новоиспеченный кардинал Албано оказался в пределах Священной Римской империи не в самое лучшее время. После неудачного для католиков Крестового похода против славян и гибели Святого Бернарда, который был канонизирован в годовщину смерти, государство Конрада Третьего погрузилось в пучину хаоса. Обозленные на весь белый свет отступающие французские воины, наемники и вольные рыцари грабили замки, разоряли поселки,

требовали дань с городов, без причины убивали крестьян и насиловали женщин. Они выматывали все припасы, до каких только могли дотянуться их загибающие руки, и многие жители страны пострадали от произвола прикрывающихся святым крестом разбойников. А король-мальчишка Генрих Беренгар, соправитель покойного отца, не мог ничего с этим поделать. И только заступничество дяди, герцога Фридриха Одноглазого, спасло его от гибели, а империю от распада.

Общими усилиями герцог и юный король, которого опекали советники покойного отца, смогли выпроводить франков со своих земель, а потом разгромить самые крупные банды разбойников. Но это было только началом бед, ибо пограничные земли германцев оказались под ударом венгров. Соседи, почуяв слабость имперцев, совершили ряд крупных набегов, которые почти всегда заканчивались для них удачно. Но вмешательство византийского императора Мануила Комнина и папы римского, а так же славная победа австрийского герцога Генриха Язмиргота на реке Лейна – все это заставило угров развернуть полки в другую сторону и обратить свое внимание на Балканы.

Затем случился голод и среди имперских аристократов начались споры за наследство сгинувшего в Северной войне герцога Генриха Льва. Его родственники из династии Вельфов настаивали на том, что владения погибшего в расцвете сил герцога в Италии, Саксонии и Баварии должны принадлежать им, раз уж Генрих не успел оставить наследников. Однако Фридрих Одноглазый и его сторонники считали иначе. Спор продолжался с переменным успехом, порой переходя в кровопролитные сражения, и никто не желал искать компромисс. Очень уж богатое наследство на кону. В Италии доходы от городов, в Баварии много продовольствия и крепкие замки, а в Саксонии, несмотря на постоянную угрозу со стороны проклятых венедов и разорение северной части, серебряные рудники в Гарце.

В общем, в империи царил хаос, и пока германские аристократы резали один другого, доказывали права на земли и собирали сторонников, венеды нанесли ряд ответных ударов. Они парализовали морскую торговлю между Францией и Англией, а затем очистили от каталонцев большую часть Нордмарка и захватили Бранденбург. Герцог Альбрехт Медведь из династии Асканиев остался один на один против вкисивших вкус победы северных язычников и не устоял. Теряя воинов, он отступил в Магдебург, а затем Священную Римскую империю потряс еще один удар. Три седмицы назад от простуды умер юный Генрих Беренгар. Король вернулся с конной прогулки и пожаловался на сильный озноб. Ночью к нему вызвали врачей, а к полудню следующего дня он уже преставился.

Старший сын Конрада Третьего отправился в рай и его похоронили недалеко от Вормса в Лоршском монастыре. Место хорошее, любимое многими Гогенштауфенами и, естественно, в последний путь его провожали самые близкие люди. По этой причине герцог Фридрих Одноглазый и его сын, тоже Фридрих, пока еще находились в Вормсе, в который прибыл Николас Брейксспир...

Прерывая размышления кардинала, повозка въехала в замок и остановилась. Дверца открылась и человек герцога, который встречал Брейксспира, крепкий рыцарь с волевым лицом и приметной рыжеватой бородкой, протянул ему руку и сказал:

- Прошу вас, святой отец.
- Не надо, я сам, – ответил англичанин.
- Как пожелаете.

Кардинал вышел и с трудом удержался на ногах. Долгая поездка вымотала его, и Брейксспир требовался отдых. Однако у него в руках был футляр, который жег ему ладони. В нем находилось послание папы римского, и адресат обязан получить его как можно скорее.

- Когда герцог примет меня? – посмотрев на воина, спросил священнослужитель.
- Когда вам будет угодно, – услышал он.
- В таком случае, сейчас.

– Следуйте за мной, отче.

Оставив охрану во дворе замка, кардинал последовал за германцем. Они петляли по темным коридорам, поднимались по узким лестницам и проходили через пустые комнаты. Шли несколько минут, и Брейкспиру стало казаться, что сопровождающий начинает нарезать круги. Однако, наконец, они вошли в теплое и светлое помещение, в котором англичанина ожидал крупный мужчина в темном камзоле и повязкой на одном глазу. Это был Фридрих Одноглазый собственной персоной, герцог Швабии и самый авторитетный человек в Священной Римской империи после смерти Конрада Третьего и Генриха Льва.

– Приветствую вас, святой отец, – герцог шагнул навстречу кардиналу. – Как доехали?

– Милостью Господа нашего, сын мой, дорога была сносной, – Брейкспир протянул Фридриху ладонь.

Герцог поцеловал перстень кардинала, отступил в сторону и указал на кресло возле камина:

– Присаживайтесь, святой отец, и мы поговорим о том, ради чего вы проделали столь долгий путь.

Кардинал покосился на сопровождающего:

– Посторонних быть не должно.

Фридрих Одноглазый усмехнулся:

– Не беспокойтесь, это мой сын.

– Вот как? – Брейкспир удивился и опять посмотрел на рыцаря: – Много слышал о тебе, славный воин. Не напомнишь, какое прозвище тебе дали итальянцы? Барбаросса, если не ошибаюсь?

– Да, Барбаросса, – рыцарь улыбнулся и ладонью огладил свою рыжую бородку.

– Не ожидал, что меня будет встречать столь славный воин.

Снова в разговор вступил герцог:

– Что поделать, сейчас посланцы папы в наших краях появляются редко. Когда мы были сильны и клинки германских аристократов требовались на севере, каждую седмицу кто-то появлялся, то кардинал, то папский легат. А нынче нам трудно и святой престол о нас позабыл.

– Святой престол никого не забывает, ни друзей, ни врагов, – Брейкспир горделиво вскинул подбородок и добавил: – Мое появление здесь очередное доказательство этого.

Герцог слегка кивнул и направился к камину. Его сын последовал за ним, и кардинал тоже подошел к огню. Молча, они заняли кресла, и от тепла Николаса Брейкспира сразу же стало клонить в сон. Но не тот он человек, чтобы поддаваться слабости. Поэтому священнослужитель встряхнул головой и протянул Фридриху Одноглазому футляр с посланием папы римского. Имперский аристократ вскрыл его без промедления и приступил к чтению.

Несмотря на то, что он был воином, образование герцог получил неплохое, ибо все Гогенштауфены проходили обучение у монахов Лоршского монастыря. Вместе с сыном, который встал ему за спину, он быстро ознакомился с посланием Евгения Третьего и кардинал заметил, что лицо Фридриха Одноглазого побагровело. Он был в бешенстве и Брейкспир, который ожидал подобной реакции, понимал почему. В письме Евгения Третьего было сказано, что германские феодалы обязаны готовиться к новому Крестовому походу против венедов. Они должны прекратить распри и копить силы, создавать склады с продовольствием и прокладывать дороги, укреплять города и замки, а так же не забывать о пограничных землях, вести разведку и отбивать все наскоки язычников. При этом в послании не было сказано ни слова о том, чем святой престол поможет германцам. Только приписка в конце, что Бог не оставит христолюбивых вождей своей милостью и кардинал Николай Брейкспир изложит подробности на словах. Кому из властителей земных понравится такое послание? Никому, ибо короли, герцоги и прочие феодалы не любили, когда им указывали, что они должны делать. Особенно если за труды нет никакой награды.

– Что это!? – прорычал герцог, отдавая письмо Евгения Третьего сыну. – Папа римский издевается над нами или он витает в облаках и не понимает, в каком мы положении!? Он говорит о новом Крестовом походе, но это невозможно! У нас нет сил! Мы истощены и разорены! Потерян Нордмарк, а Северная Саксония в руинах и пепелищах! Угры крутятся возле южных границ, а франки мечтают отобрать у нас города на западе! Как!? Как, я вас спрашиваю, он додумался до того, чтобы написать это письмо!?

Покинув кресло, герцог навис над кардиналом, и весь его облик источал угрозу. Но Николас Брейкспир не испугался. Он сохранил спокойствие и сказал:

– Папа римский знает о ваших бедах и ради торжества истинной веры поможет вам. Не именно тебе, герцог Фридрих, а всему вашему семейству.

– Наверное, он помолится за нас, – герцог презрительно скривился.

– Не только, – кардинал поймал взгляд Фридриха, выдержал его и когда он отвернулся, произнес главное: – Папа римский Евгений Третий обещает сделать твоего сына величайшим властителем Европы и дать ему такую власть, какой нет ни у одного государя.

Махнув рукой, герцог покосился на сына, который сохранял спокойствие, а потом снова присел и бросил в сторону Брейкспира:

– Что же, поделись с нами планами папы римского, святой отец.

Кардинал кивнул и начал:

– Во-первых, твой сын станет королем.

– Он и так им станет, – пробурчал герцог. – Потому что больше некому. Мой брат погиб, а племянник умер. Генриха Льва зарезали проклятые язычники, перехватили горло клинком, словно барану. Альбрехт Медведь и Генрих Язомиргот не настолько сильны, чтобы искать королевской короны, а остальные герцоги и князья зализывают раны и подсчитывают потери.

Брейкспир не стал спорить с Фридрихом и продолжил:

– Во-вторых, Евгений Третий признает отторжение у династии Вельфов земель, которые принадлежали Генриху Льву. С итальянскими владениями будет трудно, а вот Саксония и Бавария останутся за Гогенштауфенами. Письма ко всем европейским архиепископам, которые обязаны вас поддержать, уже написаны и ждут отправки.

– Это уже кое-что, – герцог был доволен, ибо при удачном стечении обстоятельств подвластные его семье территории увеличивались вдвое и при споре с германскими аристократами он мог рассчитывать на поддержку церкви, которая имела немалое влияние в империи.

– В-третьих, папа римский обещает, что уже через год Фридрих Барбаросса станет императором. Евгений Третий знает, что это ваша мечта, и понимает, что император начнет ограничивать власть священнослужителей. Это неизбежно. Но слишком силен наш враг, который смог устоять перед мощью Крестового похода. Поэтому папа готов поступиться частью церковных привилегий, и он уверен, что император Священной Римской империи, подобно Карлу Великому и другим достойным государям, станет надежным оплотом христианства. А еще Евгений Третий верит, что молодой Фридрих не допустит попраения креста, наведет порядок в империи, заставит еретиков покаяться и уничтожит язычников, которые являются угрозой всем нам.

Сказать, что герцог и его сын были поражены, значит, не сказать ничего. Долгое время германские короли боролись за корону императора, но каждый раз сталкивались с противодействием церкви. После чего они отступали и снова повторяли попытку. Сколько сил и денег на это было потрачено, сколько воинов полегло на полях сражений, сосчитать невозможно. Но вот папа римский сам делает шаг навстречу и, кажется, в этот раз он настроен серьезно.

– Ты не шутишь, святой отец? – Фридрих Одноглазый всем телом подался вперед.

– Нет, – Брейкспир покачал головой. – Это слово папы римского.

– Что же... Если это правда... Тогда мы можем побороться с язычниками... Не сейчас, конечно... А через два или три года...

– Это еще не все.

Кардинал приподнял левую ладонь, дождался, когда герцог снова обратит на него внимание, и продолжил:

– В-четвертых, папа считает, что будущий император должен жениться на богатейшей женщине в Европе. Я говорю о герцогине Алиеноре Аквитанской. Сейчас она свободна и ее дочь остается с отцом, королем Людовиком. Поэтому по мнению папы римского Евгения Третьего она должна стать супругой Фридриха Барбароссы.

В разговор вступил будущий жених:

– Но я уже женат.

– Церкви известно, что твоя жена бесплодна, и ты намерен расторгнуть этот брак. Разве это не так?

Брейкспир был прав. Жена молодого Фридриха, дочь Дипольда маркграфа Фобурга, красавица Адельгейд никак не могла забеременеть. По этой причине Гогенштауфены собирались найти будущему королю, а теперь, как выяснилось, императору, новую супругу.

– Вы правы, святой отец, – согласился Барбаросса с кардиналом. – Однако хотелось бы знать, решен ли вопрос с Алиенорой.

– Она верная дочь матери-церкви и сейчас находится в гостях у папы римского. Уверен, что Алиенора прислушается к голосу наместника Господа нашего на земле и станет верной женой государя Священной Римской империи. Первая красавица Европы будет императрицей. И в приданное за ней муж получит Пуатье, Аквитанию, Гасконь и много других земель. Огромное богатство и безмерная власть, сосредоточенные в руках одного верного истинной вере человека. Вот что сможет уничтожить нашего общего врага.

На некоторое время все замолчали. В комнате воцарилась тишина, и первым ее нарушил герцог, который поправил повязку на глазу и сказал:

– От своего имени, как глава рода, я говорю, что мы принимаем помощь папы римского Евгения Третьего и все его условия. Мы верные дети святого престола и язычники будут уничтожены.

Кардинал ответил:

– Твои слова услышаны, герцог Фридрих, и я донесу их до ушей Евгения Третьего. Завтра мы обсудим наши планы подробнее, а сейчас прошу меня извинить я должен немного отдохнуть.

Герцог вызвал слуг, которые проводили Брейкспира в покои для гостей. После чего отец и сын, два Фридриха, остались один на один, и младший спросил старшего:

– Как думаешь, отец, папа римский нас не обманет?

– Нет, – герцог покачал головой. – Слишком сильно он боится венедов. Неудачный Крестовый поход напугал его, а смерть учителя и лучшего друга, Бернарда из Клерво, поразила в самое сердце. Поэтому для него выбора нет. Либо христиане уничтожат северных язычников, либо святой престол утратит свое могущество и будет вынужден мириться с тем, что под боком есть сильный враг, который ненавидит нас и презирает. Ну, а нам предстоит оказаться на острие удара, который в очередной раз обрушится на давних недругов. Все просто, сын.

– Да, – согласился с ним будущий император, – все просто.

Глава 1

Рарог. Весна 6658 от С.М.З.Х.

Ночью меня снова пытались убить. Даже считать не хочется, какая это по счету попытка, то ли двенадцатая, то ли пятнадцатая. Поэтому выспаться не удалось.

Душегубцев, которые пришли из Роскилле, было трое. Бойцы серьезные, но их заметили сразу, как только они пересекли границу моих владений, и взяли под стенами Рарога. Охрана не зевала и скрутила убийц тихо, не потревожив горожан. После чего меня разбудили. Все по инструкции, которую я лично сочинил для городских дружинников, и злиться на кого-то бессмысленно. Хотя дело плевое и допрос убийц могли провести сотники.

В общем, я проснулся и уже не ложился. Сначала допросил душегубцев, которые оказались дружинниками убитого в прошлом году конунга Юхана Сверкерссона. Сын Кольссона погиб во время очередной неудачной попытки закрепиться в Швеции. Его воины бежали сначала в Данию, а потом в Гамбург и местный архиепископ использует недобитых викингов-христиан для темных дел. Ничего неожиданного. Вот если бы тамплиеров захватить, тогда интересно. А так все просто и что делать с пленниками, понятно. Убийц нужно отправить в учебку варогов, пусть молодняк тренируется, а допросные листы осядут в архиве.

Покинув темницу, я засел в своем кабинете и до самого утра возился с бумагами. Вчитывался в скупые строки писем и донесений. Пытался ухватить суть и представить себе, что происходит за тысячи километров от моего дома. Рассматривал карты и строил планы на этот год...

Девять лет назад я, отставной офицер Вадим Сокол, провалился в прошлое и стал витязем славянского бога Яровита. Времени с той поры прошло относительно немного. Но для меня словно целый век пролетел, ибо событий за эти годы произошло много и мне есть, что вспомнить. Походы в Швецию и Данию, лихие рейды в Ла-Манш и Саксонию, кровавая война с крестоносцами и русскими князьями, которые выступили против великого князя Изяслава Мстиславича. Битвы, сражения, диверсии, интриги и убийства. Сил и здоровья потратил много, но в итоге наши главные противники были уничтожены, разбиты или отступили.

Теперь вместо разрозненных племен на берегах Венедского моря создан мощный союз славянских племен. Датчане и германцы лишились части своих земель. А на Руси есть царь и открыта дорога в Винланд.

Это в общем, а что касается лично меня, то здесь тоже все в полном порядке. Есть дом, укрепленный город Рарог в Зеландии, где меня всегда ждут жены и дети. Есть сильная дружина и небольшой флот. Есть богатая казна, храм, библиотека и школа. Есть собственные производства, мельницы, судостроительная верфь, кузницы и алхимическая лаборатория. Есть доступ на тропы Трояна. А еще есть орда на берегах реки Саксагань. Там я хан и в тех краях меня тоже всегда ждут.

Кажется, можно жить-поживать и добра наживать. Как в добрых сказках. Однако не все так радужно.

Папа римский Евгений Третий, которого поддерживают темные силы, достойный продолжатель дела Бернарда Клервоского, никак не успокоится. Он мечется по Европе, борется с еретиками, смещает неугодных священнослужителей, укрепляет авторитет католической церкви и пытается организовать новый Крестовый поход против венедов. Позабыв про Иерусалим и Гроб Господень, именно в нас он видит основную угрозу для всего католического мира. Поэтому готовится к продолжению боевых действий.

Что именно он задумал и когда вновь к нашим границам начнут марш колонны крестоносцев без конца и края, сказать трудно. Но одно ясно уже сейчас – главной ударной силой католиков вновь станут германцы. Это очевидно, ибо новый король Священной Римской империи Фридрих Барбаросса, в мое время легендарная личность, оказался в фаворе у папы римского. И есть информация, что вскоре он женится на Алиеноре Аквитанской, а потом станет императором. Если это так, то в его лице мы получим очень сильного врага, злого и упрямого, который будет двигаться к поставленной цели до тех пор пока не погибнет.

Это только один вектор вражеского натиска, а есть другой, со стороны Византийской империи. С той поры как на Руси появилась РОЦ (Русская Ортодоксальная Церковь), а потом свой царь, который жесткой рукой наводит в землях восточных славян порядок и подчиняет княжескую вольницу, Константинополь перестал быть другом Киева. Император ромеев Мануил Комнин отозвал с Руси своих послов и начинает подпитывать галицкого князя Владимирко Володаревича, который готов выступить против Изяслава Первого, деньгами и оружием. А патриарх Никифор Музалон предал русского царя и митрополита Климента Смолятича анафеме. Что это такое? Высшая мера церковного наказания, которая применяется за измену вере, раскол и еретические учения. После чего преданный анафеме человек по церковным законам становится изгнанником, верные христиане не должны с ним общаться и его не допускают к таинствам. А еще в Германию и Рим отправлены посольства ромеев. Греческий патриарх, пользуясь тем, что папа римский рассорился с сицилийским герцогом Роже, непримиримым врагом византийцев, вновь пытается навести мосты дружбы между двумя ветками христианства. А посол ромейского императора при дворе германского короля Михаил Вардалий обсуждает вопросы противодействия язычникам, еретикам и мусульманам.

Конечно же, это серьезные удары. Но Русь не Византия. Греческие епископы, которые отстаивали интересы ромеев в землях славян, погибли или отправились в отдаленные монастыри, замаливать свои грехи, которые есть у каждого. Заноза удалена и на их местах сидят преданные митрополиту Клименту люди. Простой народ про анафему вообще знать ничего не знает, и крестьянам претензии заморских священнослужителей безразличны. А князья против Изяслава не выступят, ибо опасаются его гнева. Да и как не опасаться, если на стороне первого русского царя черные клобуки, мощная киевская дружина из опытных воинов, городское ополчение нескольких крупных городов, языческие ватаги племени голядь, половцы, венеды и угры? Чтобы выйти против такой силы нужно долго готовиться и следует десять раз подумать, а надо ли это делать. Вот князья и сидят по своим уделам, наблюдают за тем, что происходит в Киеве, и выжидают. Или поддерживают царя и становятся его верными сторонниками.

Такова обстановка в дальнем зарубежье, а у нас, в пределах Венедского союза, несмотря на затишье, проблем тоже хватает.

Великий князь Прибыслав при смерти. Старик заболел, слег и, наверное, уже не поднимется. Срок его жизни подходит к концу, и он хочет уйти достойно. Однако не получается. Прибыслав намерен посадить на свое место племянника Велемара, который должен стать князем лютичей. Купцы желают протолкнуть молодого княжича Ингваря, чья мать из богатого торгового клана. Воины сбиваются вокруг шпреванского князя Яксы из Копаницы, который приходится великому князю двоюродным братом и продолжает пограничную войну с германцами. А волхвы опять собираются отсидеться в стороне и ни во что не вмешиваются. Кто в лес, кто по дрова, и все это привело к тому, что в обществе брожение и на поверхность поднимается грязь. Больному Прибыславу и так нелегко, а тут еще со всех сторон давление и претензии. Мать Ингваря в свою сторону тянет, а сторонники Яксы пустили в ход «черный пиар». Они вспомнили, что в молодости Прибыслав был крещен и второе его имя Генрих, а еще он заключал договора с германцами и даже отдаривался от них венедскими землями.

Что тут сказать? Было такое, отрицать бессмысленно. Однако почему князь так поступал? Да потому что кругом были враги, а он заботился о своем племени и крутился, как мог. Вот и

крестился, а потом с католиками дружбу водил. А кто с ними тогда союзы не заключал? Только раны, а все остальные запятнались, и Никлот, и покойные Гриффины, и Прибыслав, и Якса. Так что нечего на зеркало пенять, коли рожа кривая. И через пару дней, когда я окажусь в Волегоще на общем сходе князей, которые станут решать, кто номинально возглавит Венедский союз после Прибыслава, обязательно выскажусь по этому поводу и сделаю все возможное, чтобы князем лютичей стал Велемар. Почему именно он? Я его знаю, Ингваря в расчет не принимаю, слишком молод, а Якса для меня чужой человек и доверия к нему нет.

Мутный тип этот шпреванский князь. Пока герцог Альбрехт Медведь его не трогал, он отсиживался в стороне и с приморскими венедами не общался, только наблюдал. А когда крестоносцы прижали, он вспомнил, что тоже славянин, и начал против католиков партизанскую войну. Бился храбро, спора нет, и показал себя талантливым военачальником. В прошлом году при поддержке Доброги даже отбил у германцев Нордмарк и Бранибор. Но это не является оправданием того, что он порочит своего старшего родственника Прибыслава ради достижения цели. Такому человеку только дай власть над землями лютичей, и следующим в списке его противников окажется другой князь. А нам свара не нужна. С таким трудом договорились и союз создавали. А теперь отдай жену дяде, а сам ступай к ляди? Нет уж. Подобный расклад меня не устраивает. Тем более что со временем я сам намерен стать великим князем, и Велемар, за которого заступлюсь сегодня, завтра встанет на мою сторону. Поэтому выборы вождя племени лютичей на самотек пускать нельзя.

Это только одна проблема, которую упомянул, а есть другие. Новгородские ушкуйники видят слабость шведов, которые только-только начинают отходить от гражданской войны, и точат зубы на береговые поселения короля Хунди Фремсинета. Они славяне, но при этом христиане. А Фремсинет, хоть и свеон, наш верный союзник и последователь родовых богов. Так что придется варягам унять особо рьяных вольных бродяг, которые после разгрома крестоносцев никак не могут найти себе занятие по душе.

Другой наш союзник, вождь Пиктайт. После удачных походов, которые принесли ему славу и богатства, в родной Помезании он стал светлым князем и сделал своей столицей город Труссо. Это хорошо. Однако ему показалось мало. Он вошел во вкус и совершил походы в Погезанию, Вармию и земли сассов. Людей перебил много и крови пролил столько, что озеро наполнить можно. А теперь он хочет получить титул Криве-Кривайто. Если коротко, то это второй после бога, князь и духовный лидер в одном лице, непререкаемый авторитет и повелитель всего живого.

Совсем берега потерял Пиктайт, раз собирается огнем и мечом покорить всю Пруссию, дабы сделаться самовластным правителем. Поэтому верховные жрецы прусских богов, собравшись на совет, решили свалить князя. Ни к чему им такой правитель, который из славного воина превращается в кровавого тирана. Они не против объединения, но при условии, что их не будут убивать, а Пиктайт договариваться не умеет и не хочет. Следовательно, его необходимо уничтожить.

Однако сил у жрецов маловато и потому они прислали к венедам посланцев. А что князь? Они воинов не дадут, с Пиктайтом у нас союз. Зато у меня служит Поято Ратмирович, сын верховного жреца бога Перкуно, и пару недель назад, на драккаре «Каратель», вместе со своей сотней и вольными варягами, которые зимовали в Зеландии, он отплыл к родным берегам. Официально я про это ничего не знаю и Поято поступил самовольно, дезертировал и дружину увел. Эта версия прозвучит, если меня спросят. А на самом деле, конечно же, все делалось с моего разрешения, и я даже дал ему пару сотен гривен для найма воинов. С одной стороны мне в кровавые разборки пруссов влезать не стоит. А с другой стороны Поято свой человек и жрецов нужно поддерживать, как они нас в борьбе против крестоносцев поддержали. А помимо того сработало чутье. Нужно поступить именно так и никак иначе, ибо это правильно...

На некоторое время я прервался, скатал карты и спрятал письма в ящик стола, который сделали мастера Рарога по моему заказу. После чего подошел к окну, посмотрел на укутанное туманом море, а затем на солнце, которое медленно поднималось над линией горизонта, и прошептал:

– Слава богам и предкам нашим. Мир народу славянскому. Здравья моим родным и близким.

Не люблю длинные молитвы и славления. Поэтому стараюсь выражать мысли и желания коротко. Думаю, боги меня за это не осудят. Не чужие ведь, а родные, и потомков своих, если они живут по законам Прави, не обидят. Правда, далеко не все зависит от небожителей, особенно в Ночь Сварога. Так что приходится самим решать, что правильно, как бороться с врагами и в какую сторону вести народ, дабы он не пропал и не сгинул.

Опустив руку, я нащупал амулет, который висел на вбитом в бревно гвоздике. Он простой, зашитый в кожу камешек, речная галька с узором. Магией от него не разит, и силы в нем нет, однако выбрасывать его я не собирался. И когда смотрел на него, всегда вспоминал последний разговор с пленным шаманом венделей, который состоялся после моего возвращения из Киева, где венчался на царство Изяслав Первый.

Как раз выпал первый снег, и я спустился в подвал храма, где находился шаман. В тот же день, кстати сказать, из Волегоща прибыли витязи Яровита, которые должны были его пытать. Но они шаманом заняться не успели. Он был при смерти, так говорили целители храма, и когда я его увидел, убедился в этом лично.

Вендель лежал на деревянном настиле и был укутан в медвежью шкуру. Из горла у него вырывались резкие хрипы, а все лицо старика было покрыто потом. Еще немного и ему конец, я вовремя пришел, и шаман, увидев меня, прохрипел:

– Ты все-таки одолел своего врага... Даже мертвого... Значит, предки не ошиблись...

Я присел на табурет рядом с ложем шамана и усмехнулся:

– А еще раньше твои предки сказали, что я погибну. Разве не так?

– Зря смеешься... Духи они разные бывают, и не всегда мы их понимаем... Одни говорят, что ты враг и нужно броситься на тебя... Вцепиться зубами в глотку и вырвать кадык... А другие шепчут, что ты последняя надежда нашего племени... Молодой ты еще... Не все тебе можно рассказать... Не поймешь... Да и времени нет... Жаль... Мне бы еще год пожить... Не судьба... Ухожу...

– Вижу, что уходишь, – я кивнул и спросил его: – О чем ты хотел со мной поговорить?

– Я умираю... И все мое племя сейчас умирает... Но дети... Они должны жить...

– Какие дети? О чем ты?

– Последние здоровые ростки наших родов... Когда мы рассорились с волхвами других славянских богов, то ушли на север... Мы были сильны и богаты... Нас было много... Корабли были и оружие... Но связь... Связь с богами утеряли... Даже великая Черная Мать не отвечала... Предметы... Они принадлежали богам, а потом нам... Мы забрали их, когда уходили... Думали, они нам помогут... Нет... Не помогли...

Услышав слова шамана, я напрягся. Много историй слышал про древние артефакты, которые остались от богов и хранились в храмах. Щит Яровита, стрелы Ярилы, блискавицы Перуна, зеркало Макоши, лук Зеваны, плащ Морены, рог Велеса, свирель Стрибога и многие другие вещи. Оружие, предметы обихода или простые безделушки. Каждая такая вещь обладала магической силой. Но большая часть затерялась в глубине веков и мало что уцелело. Что-то уничтожили враги, что-то украли воры, а многое было потеряно или забыто. За все время, что я находился среди венедов, довелось увидеть щит Яровита в Волегоще, Станицу, которую выносили во время сражений Северной войны, и Алатырь в храме Святовиды. Больше ничего. И вот шаман говорит про артефакты. Могли они оказаться у венделей? Вполне. И если это так, было бы неплохо ими завладеть. Вдруг, они еще работают, и от них будет польза?

– Воды... – попросил шаман.

Я поднес к губам старика глиняную кружку с водой и дал ему напиться. Он утолил жажду, немного помолчал и продолжил:

– Моего народа уже нет... Ничего не изменить... Знаю это... Черная болезнь пришла и некому ее остановить... Но дети... Спаси их в обмен на то, что мы храним... Меняем жизни на древнее наследие... Дай слово... Слышишь?

– Слышу и клянусь, что спасу ваших детей в обмен на секреты и древнее наследие.

– На реке Питеэльв наше поселение есть... Оно одно такое... В верховьях... Там брат мой Гест... Покажи ему мой амулет... Скажи, что от Олафа... Последний привет... Он поймет и проводит тебя...

– И что дальше?

Шаман не ответил, а отвернулся к стене и понес бред:

– Ничего не изменить... Все кончено... Черный мор... Зараза... Это кара богов... Она настигла нас...

Потом он захрипел, несколько раз сильно дернулся и замер без движения. Навсегда. После чего я осмотрел его и в руке обнаружил амулет.

Шаман был осколком прежней эпохи, которая уходила. Этот вендель общался с духами и видел то, что не мог разглядеть обычный человек, и в современном мире ему места нет. Он это понимал, и перед смертью шаман, который изначально был нашим врагом, попытался что-то изменить. Вендель, который носил скандинавское имя Олаф, верил, что его народ умирает. Сколько там венделей осталось среди лапонов Норланда? Сотен пять вместе с женщинами и детьми. Это на пике. Да и те сильно ассимилировались с местными племенами. Так что если и есть у них дети, то немного. Помочь венделям придется, пока не знаю как. Но одно можно сказать сразу, мне придется отправиться в Норланд, на реку Питеэльв, чтобы отыскать Геста и древние артефакты. Разумеется, если старик не придумал их перед смертью. Но это вряд ли, потому что говорил он искренне.

В тот момент мне было жаль шамана, поскольку все меньше на Земле мистиков подобного уровня. В былые времена один из сотни общался с духами. Сейчас один из тысячи. А через пару сотен лет с ними будет говорить один на десять тысяч. Плохо это или хорошо? Трудно сказать. Однако мне повезло. Я человек двух эпох, видел ракеты, самолеты и автомобили, а так же волхвов, шаманов и колдунов. То есть могу сравнивать и проводить анализ различий между миром технологическим и миром мистическим. Можно даже трактат на эту тему написать. Вот только времени на это, как обычно, нет и в ближайшие лет пятьдесят его точно не будет. Больно много забот...

Подумав об этом, я усмехнулся. Оставил амулет, пусть висит на гвоздике, и задумался. Когда лучше всего отправиться в Норланд? Пожалуй, через пару недель вместе с князем Иваном. Он от владений в Норланде отказываться не собирается и правильно делает. Сам богатые северные земли освоить не сможет, надорвется, а вот дети его точно станут богатыми наследниками и настоящими князьями, которые, конечно же, будут подчиняться мне, словно вассалы. А иначе помогать им ни к чему.

Кстати, за эти две недели необходимо многое успеть. Отправить Андроника Врана и первых колонистов в Винланд, дабы они застолбили кусок земли и основали поселение. Обсудить с кузнецами Рарога вопрос вступления в Венедскую Гильдию Оружейников с сохранением моих секретов, в первую очередь пороха и пушек, которые есть только в набросках, чертежах и схемах. Еще раз поговорить с послами вождя Сомерледа и отправить в Ла-Манш очередную пиратскую флотилию под командованием Ранко Саморода. Посетить Волегощ и обговорить с князьями насущные проблемы Венедского Союза. А затем пообщаться с алхимиками, которые по моему совету начали проводить опыты (пока неудачные) с соляной кислотой, смешивают

ее с диоксидом марганца и перманганатом калия, после чего получают токсичный хлор в виде газа.

Однако это все потом, а сейчас завтрак и обход владений...

Только я об этом подумал, как появился слуга. Наверняка, его послала Нерейд, чтобы позвать меня в трапезную, и он уже хотел постучать, но я сам открыл дверь и сказал:

– Скажи Нерейд, что сейчас приду.

Слуга, средних лет мужичок, беглый из племени моричан, смутился, нескладно пожал плечами и указал в сторону лестницы:

– Там воин... Говорит, что гость прибыл...

Странно, я никого не ждал и, отпустив слугу, спустился вниз. Здесь увидел посыльного и узнал, что в порт вошла старая лодья с двумя десятками варягов, которыми командует Яромир сын Тетыслава, и он просит принять его.

Вот кого точно не ожидал увидеть в своем логове, так это Яромира. В моей родной реальности князь племени ранов Тетыслав (Чеслав или Тешислав) предал веру предков и жрецов Святовиды. После чего он присягнул на верность католикам и надел на шею крестик. А когда Тетыслав умер, его сменил близкий родственник, кажется, брат, Яромир, который вошел в историю под именем Яромара Первого. Однако, провалившись в прошлое, я узнал, что у Тетыслава, оказавшегося реальной исторической личностью, нет брата с именем Яромир. Зато так зовут его старшего сына, который, как и другие знатные представители племени венедов, обучался при храме и был любимцем верховного жреца Векомира.

Помню, как впервые встретился с Яромиром. Я изложил Векомиру свою версию истории и жрец сказал, что нет предопределения, а потом подозвал мальчишку, который крутился неподалеку и поддерживал сигнальный огонь на скале. Паренек был самым обычным, чистым и непорочным сорванцом, а звали его Яромир сын Тетыслава.

После этого я видел Яромира несколько раз и его жизнь, после того как отец мальчишки был убит за измену, меня не интересовала. Большинство венедов считало, что князь сражался с пиратами, и они его убили, то есть Тетыслав пал в бою с врагами, как и положено воину. Ну и, конечно же, Яромир думал точно так же и гордился своим отцом. Но кто его знает, возможно, он узнал правду. И что тогда, благородный юноша потребует поединка или правды? Возможно. Однако в таком случае его придется убить. Хотя, почему я сразу решил, что он дознался о том, как пал князь Тетыслав? Надо встретить гостя, поговорить с юношей и узнать о цели его визита. А только затем принимать какое-то решение.

Обычно я завтракал с близкими, с женой и детьми, в узком семейном кругу. Однако гость не из простых. Он не богат, ибо у Тетыслава были дети помимо Яромира. Поэтому юноше досталась только старая лодья с небольшим экипажем из преданных его семье воинов. Однако он потомок Вислава и сын князя. Следовательно, встречать его нужно с уважением, так заведено, и я велел пригласить его за мой стол.

Яромиру уже восемнадцать лет. По местным меркам взрослый человек и после взаимных приветствий, когда он сел за стол по правую руку от меня, я присмотрелся к нему внимательно. Прощупал его чувства и пришел к выводу, что он пришел не со злом. В его душе было волнение, словно он надеялся на удачу, и хотел что-то получить от меня. Но зла или затаенной обиды я не разглядел. Просто хороший воин. Смелый и сильный. Умный и хваткий. Настоящий варяг, с которым можно иметь дело.

Завтрак прошел быстро и после него вместе с гостем я поднялся в кабинет, где он на некоторое время замер. Понимаю его. Непривычно. Ведь что находится в покоях вождя варягов, воина и морехода? Оружие и трофеи, драгоценности и сундуки с хабаром, если он есть, броня и ложе в виде широкой лавки, которая накрыта шкурами. Вот и все. А у меня в кабинете удобный стол и стулья вместо лавки, книги и карты, широкое окно, из которого открывается вид на море, а так же стопка бумаг, чернильница и кучка гусиных перьев. Впрочем, оружие и

броня тоже имелись: парочка арбалетов, метательные клинки, меч, кольчуга, щит и шлем. Ну и сундук, в котором было спрятано серебро, само собой, стоял в углу.

– Итак, – обратился я к гостю, – что привело тебя ко мне, Яромир?

Он помедлил, тяжело вздохнул и ответил:

– Когда умирал Векомир, я навещал его, и он сказал, что моя судьба в твоих руках.

– И это все? – я немного удивился.

– Да.

– И как ты к этому отнесся?

Яромир пожал плечами:

– Никак. Вскоре позабыл о словах волхва и попробовал отыскать свой путь в жизни. Пытался примкнуть со своим отрядом к войску Доброги, которое направлялось освобождать Бранибор, и не вышло. Доброга отказал, хотя он мне родич. Потом к Никлоту собирался пойти, и снова отказ. Почему так, не могу понять. Воины везде нужны. Но со мной никто не хочет иметь дело. Одни говорят, что молод. Другие, что отряд у меня небольшой. Третьи, что корабль старый и потому в дальний морской поход не берут. Вот тогда я и подумал, что прав Векомир, и прибыл к тебе.

Юноша не понимал, почему с ним никто не хочет связываться. Зато я это знал. Каждый князь или допущенный к нашим секретам человек, слышал о моем пророчестве, которое Векомир выдал за видения храмовых волхвов. Это секрет и по этой причине Яромира отшивали без объяснения причин или придумывая таковые. Нет к нему доверия, хотя он ни в чем не виноват. По крайней мере, пока. И со временем он сможет пристроиться самостоятельно, прибьется к вольной ватаге или пойти на службу к тому, кто не знает о предсказаниях. Однако Векомир этого не хотел, и упомянул мое имя. Значит, нужно держать Яромира рядом с собой. Хотя бы из уважения к покойному верховному жрецу.

– Так чего ты ждешь от меня, Яромир? – снова обратился я к нему.

– Что ты подскажешь, какой дорогой я должен идти, или приставишь к делу.

– А сам чего хочешь?

– Воевать. Могу на море, а могу и на суше.

– Сколько у тебя воинов?

– Двадцать три варяга.

– И старая лодья?

– Да.

– Денег, наверное, нет?

– Нет, – он покачал головой.

Решение я принял быстро:

– Могу предложить службу. Дашь роту на пять лет и будешь выполнять мои приказы.

– Это все, что ты можешь предложить?

– Больше для тебя ничего нет.

Яромир замолчал, пару минут размышлял и потом кивнул:

– Согласен.

Иного ответа я и не ожидал, потому что выхода у него не было. На земле он трудиться не станет, потому что воин, а не весин. Торговать не умеет, да и денег нет. Лодья старая, на ремонт нужны средства, а воины, того и гляди, разбегутся.

– Клятву дашь в полдень, в храме Яровита, – сказал я и добавил: – Ступай, Яромир. Пока время есть, обсуди с моими воеводами вопросы, какие у тебя есть. Они все объяснят. Может, еще передумаешь.

Слегка поклонившись, Яромир вышел, а я подошел к столу, развернул карту мира и задал себе вопрос:

«Куда же мне тебя направить, Яромирушка?»

Вариантов было несколько. К варогам для дополнительного обучения. К Корнею Жарко на север, сопли морозить и китов бить. С Иваном Берладником покорять лапонов и осваивать Норланд. В Винланд с Андроником Враном и поселенцами. Или в степь, где мне необходим венед, который сможет присматривать за степняками и черными клобуками. Нет. Пожалуй, молодого вождя отправлю с Ранко Самородом в Ла-Манш и далее в Аргайл, где Сомерлед собирает войска для покорения Гебридских островов.

Хм! Это хорошая идея. Яромир надеется, что ему починят корабль, и он отправится грабить католиков. Так и будет. Но в поход он отправится не на один сезон, а минимум на год. Для него это станет достойным испытанием на прочность, и он наберется опыта. Если выживет, конечно. А потом видно будет. Когда окрепнет, можно вернуть его обратно.

Определившись, куда отправится Яромир, я усмехнулся и потер ладони. Определенно, день начинается удачно.

Глава 2

Волегощ. Весна 6658 от С.М.З.Х.

Прогулявшись по тропе Трояна, я оказался в Волегоще, где меня встретили волхвы Яровита, и это были молодые венеды, не старше двадцати пяти лет. Неопытные, но рьяные.

Обычно волхвом мог стать служитель богов в возрасте сорока-сорока пяти лет. Человек уже пожил, многое повидал, знает цену словам и обещаниям, проводил обряды и набрал авторитет, досконально знает свое дело и понимает, куда он должен вести людей. Однако минувшие десятилетия ослабили влияние славянских культов, храмы родовых богов в запустении и простому люду нужны наставники, которых не хватало. Поэтому требования к волхвам резко снизились.

Старый Огнеяр и Войдан Лебедян, который в самом скором времени станет верховным жрецом Яровита в Венедии, стали активно продвигать молодежь и расширяться. Для этого они сократили сроки обучения, дали ведунам поблажки и набрали в дружину Яровита профессиональных воинов.

Разумеется, все это сказывалось на качестве. Новые люди, которые вливались в культ, многого не знали и не понимали. Однако они хотели приносить пользу своему народу, оставить след в памяти людей и ненавидели крестоносцев. Люди честные, прямые, сильные и лишенные экстрасенсорных способностей. Но они вдохнули в дряхлый культ, который находился на последнем издыхании, новую жизнь. Именно они, а не старые волхвы, ходили по отдаленным селам, славили родовых богов, строили новые капища и доносили до сородичей истину, что они не рабы, а потомки небожителей. А раз так, то нужно соответствовать. Быть сильным и крепким человеком, ничего не бояться, и жить по чести, по заветам предков.

В общем, это еще одно изменение истории, вызванное моим появлением в прошлом и, на мой взгляд, Огнеяр и Войдан поступали мудро. Они вовремя подстроились под новые времена и можно с уверенностью сказать, что культ Яровита в ближайшие сто лет не зачахнет. Точно так же как культы Святовида, Триглава, Велеса и Макоши. А вот насчет остальных я не уверен. Культ Ярилы практически уничтожен. При штурме Зверина погиб верховный жрец Ратша, а его ученики погибли в боях с германцами. Ну и кто будет отстраивать храмы Ярилы, а потом славить великого предка? Некому. Та же проблема у последователей Перуна, Радегаста, Поревита, Поренута и других, менее известных и значимых. Слишком мало их осталось и уцелевшие жрецы не стремятся набирать учеников, а сидят в святилищах, вспоминают старые добрые времена, тоскуют и ждут у моря погоды. А ведь так нельзя. Это противоречит самой сути свободолюбивых венедов. Но как сдвинуть с места старых волхвов и как заставить их шевелиться, мне неизвестно. Да и нужно ли это делать? Выживут сильнейшие, а остальные уйдут в тень. Как бы там ни было дальше, а договариваться с четырьмя культами проще, чем с двадцатью.

Впрочем, я отвлекся и нужно вернуться к тому, что происходило в Волегоще...

На дворе ночь. Молодые волхвы проводили меня в храм Яровита и оставили одного. Я свой, мне в святилище открыты любые двери. Следовательно, сопровождения не требовалось и, дожидаясь, пока разбудят Огнеяра, я прошел в главный зал храма и, молча, поклонился статуе Яровита. Отклика не было, великий предок сейчас далеко, не слышит меня и не видит.

Отвернувшись от статуи, я подошел к стене, на которой висел драгоценный артефакт, щит бога. До этого момента видел его только издали, забавная вещица и не более того. А для жителей Волегоща это как череп очень уважаемого святого для христиан или знаменитая

Туринская плащаница. Но, честно говоря, осмотрев щит, я пришел к выводу, что это новодел, которому не больше двухсот-трехсот лет.

Почему я так решил? Объясню.

Щит ростовой и неудобный, рассчитанный на богатыря, ростом свыше двух метров. Он слишком тяжелый, полностью сделан из меди и покрыт золотыми бляхами, которые во время боя станут отлетать. Металл изрядно проржавел, а ремни на щите сгнили. Но самое главное, в нем не было силы. Никакой. Ни доброй, ни злой. Просто ритуальная вещь и если и был у волхвов его щит, то это не он...

– Здравствуй, Вадим, – в зале появился Огнеяр и я обернулся.

Верховный жрец Яровита постарел. Тело сгорблено, ноги волочатся по полу, в руках посох, на который он опирался, волосы полностью седые, а руки, словно палки, тонкие и немощные.

– Здравствуй, Огнеяр, – я кивнул жрецу, подошел и поддержал его за локоть.

– Давай присядем, – он кивнул на лавку в углу.

Проводив жреца к лавке, я помог ему присесть и разместился рядом. После чего, начиная разговор, он сказал:

– Ты вовремя появился и хорошо, что раньше назначенного срока. Я еще с вечера к тебе голубя с письмом послал, чтобы поторапливался.

– А что так?

– Неладно здесь.

– Якса воду мутит?

– Не он один. Тут такой клубок закручивается, как бы до крови ни дошло. Князья совсем ошалели, словно на них кто-то черный морок напустил. Сегодня Никлот с Будимиром сцепились, едва биться не начали.

– Чего они не поделили?

– Будимир из Виславитов, род старый, а Никлот из боевых бояр. Как династия Наконингов среди бодричей власть утерьяла и данам продалась, так Никлот князем и стал. Ты про это знаешь?

– Знаю.

– Вот Будимир спесь и показал. Сказал, что должен сидеть выше Никлота, раз он потомственный князь и за ним Руян. А князь бодричей ответил, что он щенок и в настоящих битвах не бывал. Пока мы крестоносцев били, Будимир за морями прятался, словно трус. Слово за слово, дружинники подоспели и за мечи схватились. Но хорошо, что Доброга был неподалеку, унял князей.

– Это все?

Огнеяр поморщился:

– Это только начало. Дети Гриффинов объявились, кто-то из лесов выполз, а кто-то от ляхов прибежал. Говорят, что они за отцов не в ответе и потому хотят получить уделы, ибо княжичи. Кому городишко, а кому несколько деревень. Еще от Пиктайта гонец приплыл, просит разрешения выступить перед князьями. Новгородские ушкуйники на трех лодьях пришли, зачем и почему никто не знает. Ну и местные претенденты на княжеское корзно тут как тут, никуда не делись. Вокруг Ингваря наемные бойцы кучкуются, купцы бойцов наняли, чтобы княжича не убили. С Яксой крупный отряд головорезов. А Велемар княжеских дружинников собирает.

– А что Прибыслав?

– Умирает. Он уже ничего не соображает, бредит и постоянно какого-то Мирослава о прощении просит. Еще день-другой и помрет.

– А что насчет будущего князя скажешь? Кого поддержишь?

Он покачал головой:

- Не хочу в это вмешиваться. Устал.
- Нельзя оставаться в стороне.
- Нельзя, – согласился он. – Только кого поддержать?
- Велемара, конечно.

Огнеяр усмехнулся:

- Свою линию гнешь?

– Да.

– А мне ближе Ингварь. Малой совсем. Но за ним купцы городские, которые нам хорошо помогают. Они княжество сберегут, торговать станут и всем горожанам от этого выгода.

- Не о городе надо думать, а обо всем племени лютичей.

– Так я и думаю. Поэтому окончательного ответа никому пока не дал. Сход племени лютичей вечером будет, время еще есть.

«Намек понял, – промелькнула у меня мысль. – Если до схода Велемар навестит храм Яровита и пообещает жрецам поддержку, они встанут на его сторону. Это уже половина жрецов Волегоща, а за культ Велеса, которым управляет жрец Ведослав, мне сказать нечего».

- Кто еще кроме Доброги, Никлота и Будимира в город приехал?

– Больше никого. Всех завтра ждут. Рагдай Поморянский к полудню появится. Мстислав Выдыбай, Идар Векомирович, Войдан Лебедян, Зареслава, Лучеврат и Келогост. Сыновья Никлота, старший Вартислав и младший Прислав, оба с женами. Бояр и лучших витязей много приедет. В общем, весело будет, если князя друг друга не зарежут.

- Не должны.

– А мне на сердце беспокойно, – он тяжело вздохнул и продолжил: – Знаешь, Вадим, одержали мы над врагами великую победу. Собрались с силами, забыли старые обиды, встали плечом к плечу и разбили крестоносцев. Казалось мне, что после этого люди станут лучше, сильнее и добрее, перестанут лгать, воровать и говорить про соседей гадости. Но ожидания не оправдались. Слаб человек и князья у нас под стать рядовичам. Нужно общее дело делать, оборону крепить и быть вместе, а они каждый о своем уделе думают. Вот соберутся завтра все князья, и начнется дележка. Вождя лютичам выберем, тут я спокоен, и неважно кто это будет, общий язык с любым найдем. А кто великим князем Венедии станет? Вот это вопрос, так вопрос.

- Наверное, Никлот.

- Нет. Он не хочет быть великим князем.

- Ты так думаешь или знаешь?

- Знаю. Говорил с ним вчера.

- А почему так?

– Обязанностей много, а настоящей власти нет. Никлот свои разоренные города отстраивает. Для него это важнее всего. Потому и не хочет садиться на великокняжеский стол.

- Тогда вождем Венедии станет Рагдай.

– Я тоже так считаю, поскольку Будимир молод и горяч. Однако Рагдай не справится. Великий князь должен быть политиком, а он воин до мозга костей. Витязь, что с него взять? В битве герой, а управлять ему трудно. Поэтому он фигура временная. Хорошо бы вместо Прибыслава тебя великим князем сделать, мы с Векомиром когда-то про это говорили. Только сейчас это невозможно. Тебя многие знают и уважают, дружина у тебя хорошая и серебро в казне водится. Но ты не потомственный князь и не вождь племени. Так что дорога наверх для Вадима Сокола пока закрыта. Зная тебя, могу сказать, что если захочешь, то сменишь Рагдая. Ты думал об этом?

- Да.

- Это хорошо. А хочешь быть великим князем?

- Нет. Однако, если не найдется никого лучше, придется.

– И это тоже хорошо, что к власти не рвешься, – Огненьр усмехнулся и задал новый вопрос: – А вообще как у тебя дела, что нового?

– Хвала пресветлым богам, все в порядке. Жены и дети здоровы. Город растет. Спускаются на воду корабли. Дружина тянет службу. Доход имеется...

В этот момент я прервался, поскольку заметил, что голова Огненьра опустилась на грудь. Он заснул. Разум у старика крепкий, а вот организм его подводит, не выдерживает нагрузок и отключается.

«Уходит старая гвардия», – с тоской подумал я, вспоминая Векомира, верховного жреца Святотида, который умер в прошлом году. После чего встал и покинул зал. На выходе подозвал юнака, ученика в храме, и велел отнести Огненьра в его покои.

Юнак, кивнул, позвал друга, и они отправились выполнять поручение, а я вышел из святилища и встретился со своими дружинниками. Небольшой шнеккер с варягами и варогами под командой Хорояра Вепря заранее был отправлен в Волегощ. Поэтому я не один.

Хорояр доложил о том, что происходит в городе. Но ничего нового я не узнал и направился в дом Велемара, с которым предстояло серьезно поговорить. Выбор нового князя внутреннее дело лютичей, но, как уже отмечал, у меня тоже есть свой интерес.

Велемар жил в центре города, недалеко от святилища Велеса. Дом у него большой и богатый, во дворе напряженные дружинники, которые раньше служили Прибыславу, и он встретил меня, словно дорогого гостя. С ним мы просидели до самого рассвета и расстались союзниками. После чего он помчался в храм Яровита, договариваться с волхвами, а я на постоялый двор. Там переоделся, умылся, позавтракал, немного отдохнул и снова вышел в город, дабы встретиться с людьми, от которых зависит существование Венедского союза.

Одна встреча за другой. Знакомых у меня много и с каждым хотелось пообщаться. А кое-кто сам искал меня, поскольку считал, что я могу дать ценный совет. Обо всех, с кем в тот день виделся, говорить не стану. Это долго. Поэтому останавлиюсь на самых интересных моментах.

Сначала посетил Никлота.

С ним обсудили выборы князя лютичей и великого князя Венедии. Он становится во главе союза славянских племен не собирався и подтвердил это. Затем сказал, что его люди, в основе это купцы и ремесленники из Зверина, поддержат Велемара. После чего князь попросил об услуге.

Он хотел отправить на летнюю охоту к европейским берегам пару кораблей. Суда есть и воины имелись. Но не было вождя, и потому его флотилия должна стать частью моей эскадры. А мне-то что? Я не отказал. Чем больше воинов и кораблей, тем больший урон мы нанесем врагу. Ранко Самород флотоходец бывалый, так что справится.

А еще ему были нужны контакты с русским царем Изяславом Мстиславичем. С моей стороны резонный вопрос. Зачем? На что был получен честный ответ. Никлоту требуются переселенцы, которых он посадит на опустевшие земли, и после смерти Векомира он стал сомневаться, что Венедский Союз выдержит удар очередного Крестового похода.

Вот такие дела. Невеселые.

Один из главных вождей Венедии сомневался в своей силе и уже начал искать место, куда можно отступить. Но его можно понять. Вести из Европы приходят тревожные. Среди князей нет единства, и племенной союз ободритов в минувшей войне понес самые большие потери. Из пяти мужчин, которые вышли на бой с крестоносцами, домой вернулись только двое и один из них калека. Почти все города ободритов сожжены. Казна Никлота, несмотря на богатые трофеи, пуста. В дружине после очередного набора всего триста пятьдесят всадников и в основном это слабо подготовленная молодежь. А ведь были времена, когда конница бодричей считалась лучшей в Европе. Князь от меня свои мысли не скрыл, и я пообещал поддержку. Если будет отправлено посольство в Киев, постараюсь сделать так, чтобы посланцев Никлота приняли без проволочек.

Впрочем, уход племенного союза ободритов на Русь не единственный вариант. Есть Винланд, самые дальние земли. А так же ничейные территории поближе. Например, Норботтен, Норвегия и Финляндия. Да и не факт, что Никлот оставит родину. Пока он только думает и перебирает варианты. Наводит мосты дружбы с соседями, возвращает домой вынужденных переселенцев, которые бежали от войны, и продолжает восстанавливать свою столицу.

От Никлота отправился к Рагдаю Поморянскому, но был перехвачен Идаром Векомировичем, который двигался из порта на постоянный двор. Что характерно, не один, а вместе с несколькими ушкуйниками. Оказалось, что это он пригласил новгородцев в Волегощ.

Пришлось задержаться, дабы поговорить с хозяином острова Борнхольм и Векомирович, старый товарищ, меня удивил. В отличие от Никлота он не сомневался в том, что венецы выстоят. Наверное, это связано с тем, что он островитянин и крестоносцы, которые находились на материке, его не пугали. Идар мореход, он знал о Винланде и думал о будущем. Добираясь к заокеанским колониям, которые венецы собирались развивать, наши мореходы делали три основных остановки. На Фарерских островах, в Исландии и в Гренландии. Пока нас там привлекают. Но как долго это будет продолжаться? Неизвестно. Поэтому Идар собирался основать на Фарерских островах и в Исландии свои портовые фактории, за которые, если необходимо, он был готов воевать с местными жителями, потомками норгов и шотландцев. А главной ударной силой Идара станут ушкуйники. Они, конечно, долгое время тайну Винланда хранить не смогут. Однако рано или поздно она все равно перестанет являться таковой, а карт у них нет. Нам бы пять лет выиграть, а потом уже все равно. Закрепимся на новых землях, а затем вдоль Исландии и Гренландии будут рыскать наши морские волки, которые перехватят любого, кто поплывет на запад по проторенному маршруту.

Таковы были его планы. После чего Идар поинтересовался моим мнением, и я его намерения одобрил. Правильно мыслит, мужчина. С дальним прицелом в будущее. В любом случае поток колонистов будет только возрастать. Кораблей в караванах много. Нужен ремонт и припасы, а фактории принадлежат Векомировичу. Отсюда постоянная прибыль.

Расставшись с Идаром, я все-таки отыскал Рагдая, князя поморян, и застал его в глубокой тоске. Он уже понимал, что придется стать великим князем и это его не радовало. Как и любого честного человека, который понимает, что на его плечи ляжет ответственность за судьбы сотен тысяч людей. Хотя отказываться от номинального лидерства в Венедии он не собирался, ибо так его воспитали.

Витязь необычный человек. В нем от природы есть ядро силы, которую он способен пробуждать и благодаря этому менять реальность вокруг себя. Это Воин с большой буквы и чем больше таких людей в племени, тем оно сильнее и крепче. Вот только Рагдай очень прямолинейный. Станет двигаться по проторенной дороге и может надорваться. Хотя не все так плохо. Ведь он не один. Есть волхвы, князья и другие витязи, которые готовы пожертвовать личными интересами ради общественного блага. Таких людей не очень много, но они есть и помогут великому князю. Взять хотя бы меня. Я всегда буду неподалеку и окажу ему любую поддержку. Могу воинами и кораблями, серебром и секретами, а самое главное сведениями о замыслах наших врагов и советами. Разумеется, если Рагдаю это будет нужно.

Именно об этом мы говорили, и князь поморян, выслушав мою речь, улыбнулся. После чего сказал, что именно таких слов он от меня и ожидал.

Только расстались с Рагдаем, сразу новая встреча. На этот раз с Добройгой. Ставший верховным жрецом Святовиды витязь собирался направить в Европу несколько диверсионных групп, и я хотел послать вместе с ними варогов. Два десятка юных воинов уже готовы стать германцами, ляхами, венграми и франками. Как и другие вароги, которых я отправлял на Русь и в Константинополь, они обживутся среди чужаков, создадут шпионские сети и обрастут связями. Пройдут десятилетия, и кто не погибнет, тот займет определенное положение в обществе, станет для европейцев своим и принесет пользу Венедии. Я в этом не сомневался и Доб-

рога тоже. В вопросе того, что нужно развивать внешнюю разведку, мы единомышленники. Кстати это не единственная группа для Европы. Еще одна будет высажена с кораблей Ранко Саморода в Англии...

В общем, день прошел в суете и беготне. Наступил вечер и на городской площади собрались самые лучшие люди племенного союза лютичей. Причем многие ожидали беспорядков и столкновений. Однако выборы князя прошли на удивление легко. В первую очередь по той причине, что на сходе присутствовали венецкие вожди, а охрану площади взяла на себя Священная Дружина Яровита. Поэтому после всех положенных обрядов были представлены люди, которые претендовали на звание князя лютичей, и Якса из Копаницы взял самоотвод. С ним поговорил Доброга, которому шпреванский вождь многим обязан, и Якса, крепкий пожилой мужчина, решил не рисковать. А то ведь можно и голову потерять, поскольку я был не единственным, кому не понравилось очернение Прибыслава.

Выбор простой. Либо Ингварь. Либо Велемар. Племянник Прибыслава человек уже взрослый и авторитетный. Был послом в Новгороде и Киеве, воевал с крестоносцами и не раз проявлял героизм. А ко всему этому его поддерживали князья и почти все жрецы. Сходотай об этом уже знали и называли своим князем Велемара. После чего на площадь принесли широкий деревянный щит, на который посадили нового князя, и затем через весь город его понесли в храм Яровита.

Велемара унесли. Площадь опустела и в просторном доме, который принадлежал ободритскому купцу Бориславу Теничу, собрался другой сход. Пришла пора выбирать великого князя, и собралось полсотни человек. Князья, жрецы, знатные бояре и члены ОБК, то есть люди, которые имели реальную власть и могли принимать решения. Времена копного права, когда народ единогласно выбирал правителя и определял политику, уходят в прошлое. Можно позволить простолюдинам немного покричать на площади, как сегодня. Но только покричать. А на самом деле все важные и ключевые вопросы решаются без вмешательства народа.

Итак, выбор великого князя Венедии. Сюрпризов не было – им стал Рагдай Поморянский, витязь Триглава и благородный воин. Решение принято единогласно, раз нет другой кандидатуры, и столица Венедии перемещается из Волегоща в Волин, который сейчас является главным городом племенного союза поморян. Но это только административная столица, а сердце Венедии, конечно же, в Арконе, где в храме Святовида великий князь Рагдай получит благословение богов.

Рагдай поблагодарил за доверие и дальше, после того как все жрецы кроме Доброги и Войдана удалились, сход повел уже он. Долго сидеть никто не собирался, и потому вопросы решались быстро.

Во-первых, Никлот просил выделить финансовую помощь. Кто сколько может, дайте на восстановление порушенных крепостей и городов. В общей казне Венедского Союза пусто. Что было от общих трофеев, еще в прошлом году потратили. Серебро, которое выделялось из казны жрецов, тоже ушло, а постоянных фиксированных налогов нет. Ну и кто готов оторвать от сердца гривны и монеты? Таких оказалось немного. Рагдай пообещал выделить триста гривен. Будимир, который унял спесь, решил дать столько же в золотых «кораблях», которые печатали на Монетном Дворе города Ругарда. Мстислав Выдыбай даст двести гривен. Ну и Доброга, как верховный жрец Святовида, имеющий право распоряжаться казной волхвов, передаст ободритам тысячу гривен. Плюс к этому решили сроком на один год наложить на венецких купцов небольшой налог, который принесет дополнительный доход в пару тысяч гривен, и эти средства тоже будут переданы Никлоту. Как ни крути, все это хорошая поддержка ободритам.

Во-вторых, раз уж заговорили про общую казну, которой распоряжается великий князь, решили собрать при ОБК небольшую группу. От каждого княжества по одному человеку. Задача – разработать закон, который позволит собирать со всех племен гривны на общее благо.

В-третьих, провели дополнительное административное деление. Есть четыре племенных союза (княжества): ободритов, лютичей, поморян и ранов. Но добавилась еще Зеландия, в которой правит Мстислав Выдыбай, и потому все признали, что это пятое княжество в Венедском Союзе. К Зеландии, кстати, относится Борнхольм, моя колония на берегах Студеного моря и колония в Норланде. А помимо того есть шестое княжество, владения Яксы, отбитый у германцев Бранибор и владения Северной Марки. И его тоже признали. Хотя в жизнеспособности этого княжества все сильно сомневались. Один хороший толчок со стороны германцев и посыплется Якса, а затем отступит в земли лютичей, князем которых он так хотел стать.

В-четвертых, Идар Векомирович уведомил совет о своем намерении совершить поход к Фарерским островам и в Исландию. Однако к этому отнеслись равнодушно. Про Винланд знали немногие, из присутствующих полтора десятка, но даже этих людей поход Идара пока не интересовал. Хочет погулять по морям? Пусть идет. Это его личное дело.

В-пятых, приняли посла, который прибыл от Пиктайта. Вождь пруссов передавал всем привет и заверял в своей дружбе. Но при этом его посланник держался весьма заносчиво, что не понравилось венедам. А в конце своей речи он дал понять, что Пиктайт уничтожит любого, кто попытается помочь прусским волхвам, которые выступили против него. Что произошло с Пиктайтом? Многие подумали, что некогда славный боевой вождь тронулся умом. Но пока решили с выводами не торопиться, ибо других проблем хватает, и влезать в дразги пруссов никто не собирался. Князья точно не полезут. Разве только жрецы, которые, как я узнал от Доброги, все-таки послали в Трусو воинов. Немного, три десятка. Однако это были витязи, которые сами могут Пиктайта прикончить, а потом народу объявят, что он умер от простуды.

В-шестых, был поднят вопрос о молодых Гриффинах. Всего их пять, четыре молодых парня и одна женщина. С молодняком все понятно, дети Ратибора и Свантибора, которые выступили на стороне ляхов и погибли. Этим наследникам никто и ничего давать не собирался. Впрочем, как и выгонять. Пусть сами себе дорогу по жизни пробивают, тем более что у некоторых есть дружинники. За ними присмотрят, но препятствий чинить не станут. А вот с женщиной сложнее. Звали ее Воислава и она была дочерью Вартислава Гриффина. В свой черед вышла замуж, за Прибыслава, старшего сына Никлота. А после его гибели на поле боя вернулась в родовые земли, где ее никто не ждал. Вот она и попросила выделить ей из отцовского удела несколько деревень. Вопрос вроде бы простой. Да вот проблема, уделы Гриффинов уже давно поделены, платят оброки князю, и возвращаться под старых владельцев, пусть даже это будет Воислава, не хотят. Что делать и как поступить, дабы все было по чести, непонятно. Поэтому решили оставить решение данного вопроса на усмотрение Рагдая.

На этом совет был окончен. В следующий раз соберемся уже осенью, если не произойдет ничего чрезвычайного, и вместе с Идаром я вышел в город.

Светало. Где-то вдалеке шум, не тревожный, а праздничный. Видимо, горожане отмечали избрание князя. Все спокойно. Однако в этот момент у меня защемило сердце, и я даже слегка застонал.

– В чем дело, Вадим? – спросил меня Идар.

– Не знаю, – я покачал головой.

– Может, к целителю тебя отвести?

– Не надо, уже прошло.

На мгновение я замер и полной грудью вобрал напоенный солью морской воздух. Полегчало. Но сердце не зря сжалось. Это предчувствие беды и знак того, что произошло нечто нехорошее.

Мы с Идаром покинули дом купца и направились к постоялому двору. Добрались до него и решили перед сном выпить немного медовухи, поговорить и обсудить события минувшего дня. Однако не успели. Только налили в кружки пахнущий медом напиток, как прибежал гонец с недобрый известием. Полчаса назад скончался князь Прибыслав. А на рассвете появился

другой гонец и опять с плохими вестями. Верховный жрец Яровита старый Огняр ночью лег спать, а утром не проснулся. Целители говорили, что у него отказало сердце, и он умер легко.

Что тут сказать? В одну ночь избрали князя и великого князя, а потом потеряли двух уважаемых венедов. Все люди смертны и только я, если верить моему небесному покровителю, буду жить сотни лет. Разумеется, если меня не сожгут на костре, не проткнут мечом, и не утопят в море.

Глава 3

Река Саксагань. Весна 6658 от С.М.З.Х.

Теплый весенний день. Поджав ноги и слегка прикрыв глаза, я сидел на ковре в продуваемом свежим ветерком шатре, который стоял на берегу Саксагани, и размышлял...

В Волегоще я не задержался. Прибыслава и Огнеяра положат на погребальные костры без меня и души славных венедов отправятся в Ирий. А мне снова пришлось выйти на тропу Трояна. Вот только отправился я не домой, а в Киев, где встретился с Изяславом Первым, царем Всея Руси.

Русский государь моему появлению обрадовался. Он задумал поход на Галич и приглашал присоединиться к его армии. Нельзя дать Владимирко Володаревичу время на укрепление обороны. Поэтому Изяслав торопился, созывал в Киев верные полки и, конечно же, собирался привлечь степняков. В частности мою орду, приднепровцев хана Бачмана и побужских кочевников.

По его замыслу наступление на Галицко-Волынское княжество будет вестись по трем направлениям. Одна армия двинется от Пинска, в составе ополчения Полоцка, Новгорода и Турово-Пинского княжества, и поведет ее сын царя Мстислав, который ударит по Владимиру-Волынскому. Вторая армия, самая большая, пойдет от киевской крепости Каменец под командой самого царя и напрямик направится к Галичу. Третья армия – объединение степняков, которых возглавит хан Бачман, а я при нем глаза и уши Изяслава, и это войско должно блокировать все галицкие города и крепости на Днестре. А потом, возможно, дойдет до границ Византии, раскатает в блин прикормленных императором Мануилом Комниным придунайских половцев, и не даст ромеям перебросить в Галич подкрепления.

План неплохой. Однако я в этом году в степи воевать не собирался. Орда у меня пока неокрепшая, костяк есть, но небольшой, и идти в поход опасно. Можно повести воинов в Галич, а вернувшись, узнать, что орды больше нет, ибо все разгромлено, разбито и разворовано. Поэтому я ответил отказом.

Изяслав, услышав ответ, прищурился, а потом ткнул указательным пальцем мне в грудь и сказал:

– Признавайся, ведун, куда намерен ударить?

– Слово чести, государь, – я широко улыбнулся, – этот год моя орда будет жить в мире.

– Не хочешь говорить, – он опустил руку и кивнул: – Понимаю, тайна. Ну и ладно, молчи.

«Думай, как хочешь», – я решил не спорить с царем, и спросил его: – Государь, венгры на помощь придут?

Изяслав моментально помрачнел и покачал головой:

– Нет.

– Гезу Второго ромеи в оборот взяли?

– Да, – он тяжело вздохнул и добавил: – Муж моей сестры Геза молод, но умен и знает, кто его настоящий союзник. Не раз он присылал нам своих рыцарей, однако в этот раз помощи от него не будет.

– Отчего же?

– Ромейская партия при королевском дворе резко усилилась и венграм не выгодно ссориться с императором. Мануил стал дружить с католиками, германским королем Фридрихом и папой римским. Поэтому, лишь только венгерские войска двинутся в сторону Галича или Константинополя, как на них обрушатся со всех сторон. Ромеи, германцы, итальянцы и поляки.

Но мало того. Послы императора смогли склонить на свою сторону мать Гезы, старую королеву Илону, и ее брата Белоша, который является командующим королевскими войсками.

– Видать, они весьма влиятельны?

– Очень. По сути, именно они управляют королевством. Геза стал королем в одиннадцать лет, после смерти отца-пьяницы. И если бы не они, убили бы мальчишку.

– А чем же ромей смогли старую королеву и ее брата купить?

– Илона и Белош сербы, дети жупана Рашки, которую мы иногда называем Расия. Сейчас в Рашке правит их родной брат Урош Примислав. Он вассал ромейского императора, но хочет стать независимым государем. Вот родня ему и помогает. Мануил Комнин знает, что венгры готовы придти на помощь Урошу, но воевать хитрый ромей не собирается. Он договорился с Илоной и Белошом о том, что в самом скором времени его воины покинут Рашку. А пока он позволяет венграм грабить и покорять независимые племена, которые не подчиняются Урошу Примиславу. То есть его войска мешать захвату земель не станут.

– И венгры поверили?

Изяслав кивнул:

– Поверили и пока император свое слово держит. Он уже отводит полки из Рашки и его чиновники чертят новую границу. А венгры в это самое время увеличивают владения в Боснии и Славонии. Попутно и Урошу Примиславу с хорватами кое-чего перепадает. Так что все довольны. Даже император, который отправляет высвободившихся воинов на восток.

– На восток? – уточнил я. – Может быть, в Галич?

– Именно на восток, а в Галич направлены наемники и ненадежные солдаты столичного гарнизона, которых подозревают в заговоре.

– Значит, Мануил Комнин собрался воевать не только с тобой, но и против сельджуков?

– Судя по всему, да. Недавно весточка из Константинополя прилетела, что султан Арап, ставленник ромеев, сверг султана Масуда. Однако сил, чтобы окончательно подавить сопротивление тех, кто не согласен признавать его власть, Арапу не хватает, и он просит императора о помощи. Разумеется, за это нужно чем-то расплатиться и он вернет ромеям часть завоеванных территорий.

«А я об этом ничего не знаю, – промелькнула мысль. – Непорядок, а у меня, между прочим, в Константинополе есть агенты. Хотя чему я удивляюсь? Связь не налажена. Донесения в Киев приходят не регулярно, от случая к случаю. И мои агенты живут среди ромеев меньше года. То ли дело царь. Его семейство десятки лет в Миклагард шпионов засылало. Поэтому не стоит поминать моих разведчиков дурным словом. Всему свой срок. Со временем я тоже буду получать свежие вести быстро и своевременно. А может, проложу дорожку в Константинополь по тропе Трояна и сам к императору и патриарху в гости зайду. По-соседски, чтобы им не скучно было».

Тем временем царь Всея Руси снова спросил меня:

– Так куда ты собрался в поход, ведун?

Опять я улыбнулся и промолчал, только плечами пожал. Не объяснять же ему про Норланд, тропу Трояна и постоянную угрозу со стороны крестоносцев? Не время и не место, да и человек не простой. А Изяслав, который в тот день был в хорошем настроении, махнул рукой:

– Можешь не отвечать. Я уже догадываюсь, куда ты отправишь воинов.

– И куда же, государь?

– Наверное, в Крым. Там есть, что взять. Корчев, Сурож и Корсунь. Города богатые, а половцы до них никак не доберутся. Могут налететь и пограбить окрестные села, а на стены влезать степняки пока не научились. Ты другое дело. Опыт есть, и у тебя может получиться. Или, может быть, ты пойдешь на Тьмутаракань?

– Ты не прав, государь.

– Ну-ну... – он усмехнулся. – Посмотрим...

Изяслав кивнул в сторону двери. Аудиенция окончена, и я его покинул. После чего встретился со своими людьми, которые постоянно находились в Киеве, и навестил Климента Смолятича, духовного лидера Руси.

День пролетел быстро, а ночью я снова вышел на тропу Трояна и перебрался в степь. Доклады принимать не стал, а упал на походную постель в шатре и заснул...

Спокойный здоровый сон восстановил мои силы, все-таки третьи сутки уже на ногах. Настроение с утра было неплохое, и я принял тех, кто от моего имени, по Слову Сокола и старым обычаям управлял ордой. Это Юрко Сероштан, командир черных клобуков, которые обитали в крепости возле выхода с тропы Трояна. Это Девлет Кул-Иби, молодой вождь рода Гэрэй. Это Аслан-билге, старейшина рода Гэрэй. И это Торэмен-бек, старейшина рода Капакан. Каждый отвечал за свое направление, и пока они с задачей справлялись. Орда не голодала. Никто не тревожил раскинувшиеся вдоль Саксагани становища налетами, и приходили новые рода, которые были готовы признать мою власть. Пастбищ хватало и люди славили своего вождя, то есть меня, который хоть и пришлый, но дал племенам спокойствие.

Короче говоря, все хорошо. По крайней мере, пока. В любой момент мы могли двинуть в поход тридцать пять сотен степняков, не считая черных клобуков, которые служили за серебро, и это немалая сила. Против соседей, Бачмана или его деда по матери хана Боняка, если каждый поднимет всех своих воинов, нам, конечно, не выстоять. Но отбить наскоки диких половцев, которые небольшими группами перемещались по всему Дикому полю, или прикрыть отступление женщин с детьми, мы могли.

С наместниками, так я назвал управляющих ордой помощников, общались до полудня. А потом еще час я говорил с Торэменом, который напомнил о смотринах невест. Степняки хотели, чтобы я породнился с ними. Обычай древний и еще в прошлом году я дал согласие. Смотрины решили проводить весной, но возникла заминка. Перед этим я собирался навестить Норланд и это отнимет у меня минимум месяц, а то и больше. По этой причине дату пришлось перенести на первый летний месяц.

Старейшина спорить не стал и когда мы все обговорили, я хотел его отослать. Однако он сказал:

- Мой хан, есть еще одно дело.
- Какое?
- К нам едут послы. Завтра будут здесь.
- Почему раньше не сказал?
- Он хитро прищурился и слегка качнул головой:
- Старый стал, забыл.

Конечно, ничего он не забыл. Скорее всего, первый про послов узнал, даже раньше дозорных, которые патрулировали степь и подчинялись Девлету Кулибину. Просто решил лишний раз показать свою нужность и полезность. Все просто. Поэтому я кивнул и задал вопрос:

- Откуда послы?
- От хана Ковтундея, сына Атрака. Он повелитель половцев, которые кочуют по Дону.
- И чего он хочет?
- Мне не ведомо. Но послы едут с миром и посетят не только нас. Может быть, хан Ковтундей тебя и других ханов в поход позовет.
- Посмотрим. А что вообще про него рассказать можешь?
- Про Ковтундея известно немного. Он недавно ханом стал, воин хороший, но большего сказать не могу. А вот его отца Атрака я знал. Как и дядю, славного Сырчана. Про них степные певцы даже песню поют.

- Вот как? И о чем они поют?

– Когда злой русский князь Владимир Мономах, а потом его сын Мстислав, начали наступление на степь, много половецких аилов и куреней было разбито и разграблено. Орды

рассыпались под его ударами, словно глиняные кувшины под молотом кузнеца, и не было спасения от русских дружинников. Для нас все было плохо и когда погиб хан Шарукан, его дети Сырчан и Атрак откочевали за Дон к кавказским горам, где разделились. Сырчан остался в степи, а Атрак, по приглашению грузинского царя Давида, прозванного Строителем, с отборными воинами перешел горы и поселился в благословенных землях, где сельджуки вырезали все население.

Прошли годы. Атрак и его батыры стерегли границы грузин и отбивали наскоки сельджуков. Жилось им легко, сытно и привольно. Позабыли они родину и не желали возвращаться обратно. А Сырчан помнил о своем единоутробном брате и хотел, чтобы он вернулся. Поэтому направил к нему певца Орева, которому велел взять с собой траву евшан (полынь).

Атрак встретил Орева, словно дорогого гостя, и певец стал петь ему о родине и степях, а потом попросил направить коня в земли отцов. Но непреклонен был Атрак, и тогда Орев достал евшан и запах степей вернул хану разум. Он немедленно собрался и поскакал на родину, где его встретил любимый брат...

– Да, – я качнул головой. – Интересная история.

– Я таких историй много знаю.

– Потом расскажешь. А сейчас иди и подготовь послам достойную встречу. Не мне тебя учить, как и что нужно делать.

– Будет исполнено, мой хан...

Старейшина покинул шатер. После чего я остался один и, глядя на реку, вспомнил встречу с царем и подумал о том, что в его словах есть определенный резон. Я могу взять под контроль крымские города, и не просто разграбить их, дабы лишить ромеев опоры и доходов, а стать владельцем Херсонеса (Корсуни), Сугдеи (Сурожа), Корчева и Тьмутаракани (Таматархи). Только сил для этого мало. Хотя идея неплохая и перспективная, а значит забывать про нее не стоит...

Всерьез поразмыслить над захватом Крыма и Тьмутаракани не получилось, поскольку меня отвлекли.

Примчался Девлет и доложил, что в одном конном переходе от моей ставки идет бой. Об этом сообщили дозорные патрульной группы.

Кто и с кем дерется, непонятно. Рубятся два отряда. В одном шесть-семь десятков. В другом около двухсот. Схватка происходит на юге, то есть там, откуда должны прибыть послы Ковтундея.

Как поступить? Я не сомневался. Приказал поднять двести черных клобуков из крепости, а так же всех воинов, кто находился в главном становище орды, и взять заводных лошадей. Идем к месту боя, посмотрим, кто дерется, а потом, если понадобится, вмешаемся. Скорее всего, байгуши, дикие кочевники-грабители, рыскали по степи и напоролись на послов. Решили их ограбить, и начался бой, который к моменту нашего появления на месте боестолкновения мог уже закончиться. Все-таки расстояние немалое, ибо один конный переход равняется двадцати четырем километрам. У разных народов свои единицы измерения, но этот стандарт в переводе с верст именно таков. Когда Российская империя в моей исторической реальности расширялась в сторону Кавказа, казачьи станицы ставили именно на такой дистанции. Поэтому между кубанскими станицами Кавказской казачьей линии, как правило, ровно двадцать четыре километра.

По коням! Сборы были недолгими, черные клобуки к бою всегда готовы, и наш отряд помчался на юг. На ходу в него вливались десятки и полусотни степняков, а так же дозорные, которые вели к цели. Двигались мы быстро и к вечеру оказались на поле боя. Как я и предполагал, на послов напали дикие половцы, которые никому не подчиняются, и людей хана Ковтундея уже перебили. Степные разбойники гонялись за отбившимися лошадьми и собирали хабар. Они разбрелись, расслабились и в этот момент появился наш отряд.

– Девлет! – я окликнул Кулибина.

– Мой хан!? – приподнявшись на стременах, он посмотрел на меня.

– Байгушей бить! Командуй!

Он кивнул и взмахнул рукой, а затем начал отдавать приказы. Воины быстро пересели на заводных лошадей и, оставив на месте коноводов, помчались в бой. В центре черные клобуки и полусотня молодых гэрэев. Остальные начали охват байгушей с флангов. При мне, на невысоком холме, остался резерв, три десятка русичей.

С дикими криками и боевыми кличами, стреляя из луков, сотни моих всадников налетели на диких половцев, которые не успели собраться в кулак, и они, не выдержав удара, разлетелись в разные стороны. После чего байгуши мелкими группами попытались просочиться в степь и один отряд в полсотни клинков, проскочив мимо гэрэев, вылетел на нас и начал движение мимо холма.

Я не хотел боя. С прошлого года не доставал из ножен меч ради схватки. Однако бой сам искал меня, и уступать беглецам дорогу я не собирался.

Броня на мне простая, кожаная. Конь свежий. На голове круглый степной шлем с меховой оторочкой. Слева кавалерийский щит. Из оружия пара кинжалов и стальной меч. Воины из охраны вооружены лучше. Они успели вздеть брони и многие, в дополнение к мечам, имели копья и тугие луки.

Молча, приподняв правую ладонь, я указал воинам на степняков и они меня поняли. Кто имел луки, послал в противника стрелы. По два-три выстрела сделал каждый и треть метательных снарядов задела людей или лошадей. Беглецы удирали беспорядочной толпой, прикрывая командира, а стрелы добавили хаоса и когда они оказались от нас в сотне метров, я взмахнул рукой. Пошли!

Скатившись с холма и набирая скорость, мой отряд налетел на половцев, и я сразу нацелился на вожака. Он был в добротной кольчуге, как у русских дружинников, и неплохо вооружен. Лица не разглядеть, оно закрыто шлемом с нащечниками, да и неважно это. Он мне нужен как свидетель того, кто перебил послов Ковтундея. А то лишние проблемы с соседями, пусть даже дальними, не нужны. Здесь моя земля, пока орда кочует вдоль Саксагани, и за все, что в этих краях происходит, отвечаю я. Раз уж назвался ханом.

Приподнявшись на стременах, косым ударом я свалил степняка, который прикрывал вожака. Клинок рассек ему шею, и он вывалился из седла, а мой конь грудью ударил вражескую лошадь, и животное отскочило в сторону. Дорога свободна.

– Стой! – закричал я командиру диких половцев, который попытался оторваться.

Он обернулся, и я разглядел его лицо. Усатый и слегка скуластый брюнет. Есть примесь степной крови, но в основе славянская.

«Опять какой-то беглец с Руси», – подумал я, вспоминая прошлогоднюю встречу с князем Ростиславом Юрьевичем и, развернув клинок плащмя, ударил жеребца по боку.

Конь зло всхрапнул и начал разбег. Вожак половцев, а вслед за ним я, вырвались из общей свалки, в которой мои воины побеждали, и помчались по степи.

Бешеная скачка по весенней степи. Под копытами коней сухая трава и бурьян, а местами молодая зеленая поросль. Кругом холмы, овраги и редкие кусты. Вожак половцев отрывался от погони уверенно, хороший под ним конь, и через несколько минут, понимая, что догнать его не получится, я стал придерживать жеребца.

Однако в этот момент мне улыбнулась удача. Скакун противника споткнулся и захромал. Видимо, попал копытом в прикрытую травой яму или нору суслика. Это мой шанс догнать беглеца и я отпустил повод. Жеребец рванулся вперед и через минуту я настиг вожака байгушей.

Он был готов к схватке. Развернулся навстречу и в его руке прямой меч. Но снова беглеца подвел конь, который споткнулся.

Противник потерял равновесие. Всего на мгновение, однако, мне этого хватило. Используя меч, словно дубину, я ударил его по шлему, и он повис в седле. После чего последовал второй удар и беглец, словно набитый камнями мешок, свалился наземь.

Я спешил и отпустил жеребца, он приручен хорошо и далеко не уйдет. А затем подошел к потерявшему сознание противнику и обыскал его. Ножи и меч в сторону, а больше у него ничего не оказалось.

– А-а-а... – приходя в себя, застонал он.

Похлопав ладонью по его щекам, я помог ему поскорее оклематься и когда он дернулся, прижал его ногой к земле и сказал:

– Спокойно.

Он расслабился, дурить не должен, и я спросил его:

– Ты кто? Звать как?

Краткая пауза и ответ:

– Судимир Кучебич... Дружинник князя Святослава Ольговича... Командовал половцами, которые пришли к нему на помощь в прошлом году...

– А здесь, что делаешь?

– Нас разгромили... И я воинов вместе с семьями в степь увел... Потом семейные к Токсобичам переметнулись... А я дальше в степь ушел...

– Куда двигался?

– Думал за Днепр податься...

– А послов Ковтундея зачем перебил?

– Я не знал, что они послы... Просто припасы закончились... Что со мной теперь будет?

– Отдам тебя Ковтундею, если пользы никакой не будет.

– А если будет? – он посмотрел на меня.

– Когда что-то интересное скажешь или выкуп за себя предложишь, тогда и поговорим. – Как раз подъехали мои воины, и я кивнул на Кучебича: – Этого еще раз обыскать и связать. Он живым нужен.

Воины скрутили Кучебича и перекинули его через седло, а я вернулся на поле боя.

Потери у нас небольшие. Всего трое убитых и десяток раненых. Диких половцев положили четыре десятка и почти сотню повязали. Остальные все-таки скрылись в степи, и сейчас на них идет охота, значит, к утру пленников прибавится.

Трофеи неплохие. Почти четыреста лошадей, оружие и подарки северным ханам, которые везли послы. Кстати, некоторые уцелели. Хоть и рядовые воины, но они рассказали о цели посольства, и я смог кое-что узнать.

Оказалось, что грузинский царь вновь приглашает степняков на службу и Ковтундей выступает в роли вербовщика. Сельджуки, несмотря на внутренние дразги, продолжают тревожить границы царства Багратионов. Поэтому грузинскому государю Деметре Первому, который не всегда может положиться на своих азнауров и мдабиуров, нужны воины. Какая разница кому жалование платить? Своим воинам выделять ежегодное пожалование – дидеба, или половцам? Степняки даже надежнее будут, как показал опыт Давида Строителя, который приглашал на службу хана Атрака. Тем более что возникла проблема с престолонаследием. Царь желает оставить трон младшему сыну Георгию, а старший Давид уступать не собирается и рвется к власти.

Кстати, об этом я узнал еще в прошлом году, когда грузины посетили Киев, дабы просватать за Изяслава Мстиславича свою царевну. Но великий князь, тогда еще не царь, отговорился тем, что скучает по прежней супруге. А на деле, как мне кажется, он решил искать новую жену поближе, чтобы родственные связи приносили реальную выгоду и пользу. Поэтому, как только грузины уехали, Изяслав Мстиславич начал присматриваться к дочкам своих соседей и союзников.

Впрочем, напрямую меня это не касается. Я не в состоянии контролировать царей и князей. Не мое это дело и в данном случае я просто наблюдатель. Мне бы со своими проблемами разобраться и отвлекаться нельзя. Есть приоритетные цели, и я буду к ним идти.

Что же касательно сегодняшнего дня, то здесь все просто. Кучебича в яму, пусть сидит. Его воинов в рабы, кому повезет, того откупят. А подарки Ковтундея верну уцелевшим посольским воинам и выделю им охрану. Пусть возвращаются на родину или скачут к Бачману, к Боняку, к Токсобичам или Ельтукове. Возможно, кто-то согласится за деньги усмирять грузинскую знать и воевать с сельджуками. Пусть не в этом году, так в следующем. Ну, а я в степях пока не нужен и уже этой ночью отправлюсь в Полоцк, а потом вернусь в Рарог.

Глава 4

Рарог. Весна 6658 от С.М.З.Х.

Весна полностью вошла в свои права, и мой город наполнился людьми, а в порту скопилось много судов.

Ранко Самород готовился к походу. Сначала он пойдет в Ла-Манш, на грабеж, а потом в Аргайл. Ну и как водится, в поход бывалый морской волк шел не один. Вместе с ним два корабля бодричей, лодья молодого Яромира и боевые драккары нескольких варягов. Всего в эскадре семнадцать вымпелов, на борту которых тринадцать сотен воинов и подготовленные для шпионажа вароги. Ранко даже предложил взять на меч один из крупных европейских городов. Однако я приказал не дергаться. Всему свой черед. Город возьмем обязательно. Но в следующем году. А этим летом он обязан вновь рыскать вдоль европейских и английских берегов, выжигать рыбацкие деревни, захватывать пленных, брать на абордаж корабли и всячески кошмарить католиков. Потом прогуляется к Сомерледу, оставит у него послов и Яромира, а затем домой, на отдых. Варяг спорить не стал и со мной согласился.

Кроме того на север, в Студеное море, отправлялись два корабля с поселенцами и товарами. Корней Жарко на новом месте уже обжился, торгует с лапонами и новгородскими поморниками. Причем весьма прибыльно, не только для себя, но и мне доход приносит. Как и полагается верному вассалу. Поэтому я его поддерживаю и останавливаться не собираюсь. Четырех кузнецов с инструментами и запасом железа ему шлю, а так же десять крестьянских семей. Это помимо рабов из датчан, саксов, шведских христиан и пленных европейских моряков.

Еще собирается отплыть Андроник Вран, которому предстоит осваивать Винланд. Примерная карта заокеанских земель имела, и мне хотелось, чтобы он обосновался где-то в районе Флориды. Однако я понимал, что он, скорее всего, этим летом туда не доберется. И потому задача для него на этот год простая – выбрать удобное место для постройки острога, укрепиться, отправить мне весточку с указанием точки, где он высадился, и перезимовать. А на следующий год Вран получит дополнительных поселенцев и припасы. После чего двинется дальше. Пока же он ведет два корабля. Это каракк «Сын ветра», который за два года корабелы смогли довести до ума, и купленная в Волине большая новая лодья «Волчий пастырь». Общая численность людей в экспедиции: сто семьдесят моряков (воинов) и двести семнадцать поселенцев. В основном это переселенцы из Новгорода, но помимо них есть получившие свободу датские рабы и три финских семьи из племени Хеме. Наверняка, Вран встретит скрэллингов (индейцев) и помощь финских следопытов ему пригодится.

Ну и, конечно же, готовился к отправке князь Иван Берладник. Ему ближе всех добираться, через Венедское море на север перебрался, на берег высадился и вот он Норланд, суровая земля, которая скрывает огромные богатства и таит много опасностей. Как я недавно узнал, там не только вендели и лапоны обитают, но и одичавшие норги. Три или четыре поселения находятся в горных долинах, живут по вере предков, как они ее понимают, убивают всех чужаков и совсем не горят желанием вновь приобщаться к цивилизации. Впрочем, есть в Норланде норги или нет, бабушка надвое сказала. Пока это неважно, а важно то, что я отправляюсь с Берладником.

Вот такие дела. Много суеты и беготни. Погрузка товаров и грузов. Распределение людей и дополнительный инструктаж вождей. Вставал я рано, а ложился поздно. Но, наконец, после того как в море вышли все флотилии, кроме двух кораблей, выделенных для Берладника, я смог облегченно вздохнуть, смахнуть со лба трудовой пот и осмотреться.

Взгляд влево и вправо. Прогулка по городу, а затем в порт. Ну и что же я увидел?

Город опустел. Остались только мастеровые люди и дружинники гарнизона. Воинов всего сто семьдесят человек. Мало. Не дай боги, налетит крупный вражеский отряд, датчане или шведы покойного Юхана Сверкерссона, и не останется от Рарога ничего. Но чего уж тут? Мой просчет. Когда зимой прикидывал, кого и куда направить, все сходилось и в гарнизоне, по моим расчетам, оставалось три сотни воинов. Вот только кто же знал, что придется отпустить Пято Ратмировича? Он ушел, и мое войско лишилось отборных воинов.

Впрочем, соседи пока притихли. Датчане и шведы к нам не заходят, только если торговать. А помимо гарнизона есть вароги, которых готовят по трем направлениям. Первый поток – воины. Второй – шпионы. Третий – убийцы. У каждой группы сейчас свой острог и свои наставники. Они практически не пересекаются и каждый занят исключительно своим делом.

Воинов, не считая рядовых наставников, готовят Славута Мох, его приемный сын Торарин и беглый суздальский боярин Никола Кривич, который быстро сменил крестик на символику родных богов и преподает молодым воинам тактику пехотного боя. Под их командованием триста сорок пять варогов и почти сотня уже может воевать. В случае проблем в городе, они примчатся в Рарог через несколько часов.

Шпионами занимается варяг Свойрад, а вместе с ним несколько старых воинов, которые успели повоевать в Европе и послужить в гвардии ромейского императора. Люди серьезные и грамотные. Не только смертоубийство ученикам преподают, а еще и языкам учат, и карты чертят, и про обычаи заморских стран рассказывают. В этом потоке после отправки варогов в Англию и Европу всего двадцать три человека и они готовятся к заброске в Константинополь, Италию, Сербию и Болгарию.

Третий поток, как я уже сказал, убийцы. Занимается с ними матерый волчара в теле человека, Валентин Кедрин. В его надежности сомнений не было. И хотя хотелось поскорее получить первый выпуск убийц, я его не торопил. В группе у Валентина всего семь человек. Немного. Однако я был уверен, что каждый из них, пройдя школу Кедрина, будет стоять сотни простых бойцов. Не надо лобовых сражений, в которых гибнут тысячи людей, и долгих осад. Послал надежного умелого профессионала, и он решил все проблемы ядом, кинжалом или удавкой. Но первых убийц Кедрин выпустит только через два-три года. Это в лучшем случае, ибо люди такой профессии штучные.

А чтобы вароги были преданы князю и венедам, с ними продолжают заниматься волхвы из храма Яровита. Причем они посещают всех, и воинов, и шпионов, и убийц. Волхвы общаются с ними постоянно, каждый день без выходных, и результат впечатляет. Более преданных Яровиту воинов, чем мои вароги, наверное, по всей Венедии нет. Я уже не говорю про себя. Служба князю Рарога закладывается в молодых варогов сразу, она становится смыслом их жизни и я не придумывал ничего нового. Именно так османы готовили йени-чери (янычар) и я всего лишь использовал их опыт.

Правда, подготовка варогов обходится моей казне в солидную сумму. Нелегко каждый месяц кормить, поить, обувать и снабжать оружием пятьсот человек, учеников и наставников. А есть еще расходы на снаряжение экспедиций, жалование воинам, ремонт судов, опыты кузнецов и алхимиков, пособия и подъемные переселенцам с Руси, постоянное строительство в городе, покупка оружия, припасов, снаряжения и кораблей, отправка денег шпионам и представительские расходы. Все это очень сильно опустошает мою казну, и она не успевает наполняться. Только получил прибыль от продажи товаров Рарога, трофеев и выкупа пленных, как сразу приходится затыкать очередную статью расходов. Поэтому, несмотря на то, что многие думают, будто Вадим Сокол богач, я себя таковым не считаю.

Вот такие мысли бродили в моей голове, когда я обошел город, взобрался на сторожевую башню в порту и посмотрел на море. Волны сегодня слабая и погода отличная. Ярko светит

весеннее солнце и над водой кружатся чайки. А вдали видны полосатые паруса, приближающихся к Рарогу кораблей.

«Один... Два... Три... Четыре...» – мысленно я пересчитал паруса и посмотрел на дозорного, который находился уровнем ниже, а затем окликнул его:

- Корабли видишь!?
- Да! – отозвался он.
- Начальнику караула сообщил!?
- Сообщил!
- Молодец!

Воин усмехнулся в усы и кивнул, а я спустился с башни и вместе с двумя десятками воинов направился к причалам, где на кораблях Ивана Берладника тоже приготовились к возможному боестолкновению. Непонятно, кто к нам направляется, и лучше подстраховаться. Если в Рарог идут враги, воины на причалах их немного задержат, а в городе закроют Морские ворота. Однако вскоре я распознал передовой корабль. Это был драккар «Перкуно», который принадлежал Поято Ратмировичу.

– Наши возвращаются, – сказал Хорояр Вепрь, который находился рядом. – Можно отпускать воинов?

- Нет, – отозвался я. – Остальных не знаем.
- Вроде бы пруссы. Пара корабликов мне знакомы.
- Пруссы или нет, разберемся. Воинам ждать.
- Понятно.

Спустя четверть часа «Перкуно» первым прижался к причалу и на него спрыгнул Поято Ратмирович, командир «Бешеной сотни». Мы обменялись с ним приветствиями, отошли в сторону и я его спросил:

– Что нового?

Он усмехнулся и ответил:

– Воевать не пришлось.

– А что так? Пиктайт решил уступить жрецам и уже не желает становиться Криве-Кривайто?

- Все проще. Помер Пиктайт.
- Отчего?
- Народу объявили, что он утонул в болоте.
- А что было на самом деле?
- Витязи Святовида проникли в его замок и отрезали князю голову.

«Чего-то подобного следовало ожидать, раз Доброга послал в Погезанию лучших бойцов», – промелькнула у меня мысль, и я указал на корабли, которые привел Поято:

- А это кто с тобой?
- Дружинники Пиктайта.

Все встало на свои места. Князя нет и его воины, которые пролили много крови, решили покинуть родину. А куда им идти? Или на Русь, или в Венедию. А поскольку Поято был рядом, он предложил соотечественникам встать под мою руку. Не самый плохой вариант. Наоборот. Наверное, самый лучший. Ведь мне воины всегда нужны. Особенно сейчас, когда в Рароге пустынно и слабый гарнизон.

- Они хотят наняться на службу? – уточнил я.
- Да, – Поято согласно мотнул головой.
- Сколько их?
- Триста десять воинов, большая часть княжеской дружины. Если все хорошо сложится, нужно посылать корабли за семьями. Это еще примерно триста человек.
- Добро. Кто у них старший?

– Три сотника, Кандейм, Матто и Виртел.
– Доверять им можно?
– Кандейма знаю, надежный человек. Про остальных только слышал.
– Разберемся. А что сейчас в Погезании? Кто правит?
– Народ успокоился. Князя решили пока не выбирать. Поэтому власть у совета из лучших людей и жрецов.
– Ладно. Зови сотников в мои покои. Поговорим с ними.
Поято направился к кораблям пруссов, а я еще раз посмотрел на воинов, которых были из Пруссии. Справные вояки. Не хуже варягов или русских дружинников. Только где столько серебра взять, чтобы платить им? Вот тебе, Вадим, новая забота.

* * *

Константинополь. 1150 от Р.Х.

В один ничем не примечательный весенний день Никита Тарханиот, благородный молодой человек из обедневшего рода, шел по родному городу в сторону Вуколеона и улицы Константинополя, как обычно, были переполнены людьми. Они разговаривали, спорили, торговали, спешили по делам или продавали свои тела. Порой, бесстыжие девки в легких накидках, кидали на Никиту заинтересованные взгляды и окликали его:

– Эй, красавчик! Постой! Давай уединимся, и ты получишь незабываемое наслаждение!

Однако Никита опускал голову и шел дальше. Несмотря на чистую одежду, остатки былой роскоши, аккуратную прическу и приятную внешность, в кармане у Тарханиота было пусто. Что поделать? Вот уже десять лет капризная Фортуна не баловала его семью, ветку благородной ромейской фамилии, своим вниманием. Давно в прошлом остались виллы, породистые лошади, драгоценности и приемы, которые ежедневно проводились в доме Тарханиотов, и Никита уже привык к бедности. Поэтому, раз в кошельке гуляет ветер, аристократ был вынужден проявлять аскетизм.

Впрочем, он надеялся, что вскоре все изменится. Фамилия, хорошее домашнее образование и рекомендации старого друга семьи помогли ему стать помощником императорского атриклия. Сегодня первый день его службы и он не должен опоздать. Ведь как начнешь службу, так она дальше и пойдет.

Добравшись до церкви Святого Анастасия, Никита посмотрел на сияющий купол, перекрестился и замер на развилке. Перед ним два пути. Вправо, вдоль морского берега и церкви Святого Сергия. Или влево, по узким городским улочкам и переулкам, от Ипподрома к Вуколеону. Первая дорога длиннее, а вторая опасней, поскольку в трущобах рядом с ипподромом много городской швали.

«Нужно спешить и сейчас день, – подумал Никита. – Срежу путь и быстрее доберусь во дворец».

Приняв решение, Тарханиот направился к ипподрому, а от него напрямик к Вуколеону и сначала все было хорошо. На него никто не обращал внимания, и он быстро приближался к цели. Однако вскоре дорогу ему преградили грязные оборванцы.

«Крепкие ребята и отчаянные», – отмечая широкие плечи трех босяков, Никита попробовал их обойти.

– Куда прешь!? – один из оборванцев неожиданно толкнул Тарханиота в плечо и чтобы не упасть он был вынужден отшатнуться в сторону.

Ударившись об серую стену дома, Никита испачкался и начал отряхивать одежду. Но снова толчок и опять он оказался возле стены.

– Мой друг к тебе обращается! – услышал Никита голос другого уличного бродяги. – Теперь ты нам должен! Ходишь по нашей улице и почтения не проявляешь! Выворачивай карманы!

– Отстаньте! – надеясь, что его услышат стражники, повысил голос юноша. – У меня ничего нет!

– Врешь!

Стражников поблизости не оказалось, а прохожие, которых на улице хватало, не обращали на стычку никакого внимания. Подобное происходило в этом районе часто и люди привыкли. Главное, чтобы их не задевали.

Никита Тарханиот не был слабаком и когда-то, еще в детстве, его учили основам борьбы. Да и потом, покинув шикарный родовой особняк в центре города, он неоднократно участвовал в уличных стычках. Но сейчас Никита не мог позволить себе драку. Он обязан выглядеть опрятно и произвести на главного атриклина, который занимается организацией императорских приемов и рассаживает за столами гостей государя, хорошее впечатление.

Юноша попробовал сбежать. Пусть это выглядит трусливо и жалко, но сейчас он должен был поступить именно так. Однако из этого ничего не вышло. Оборванцы были начеку и Никите поставили подножку.

Тарханиот упал и растянулся на грязной мостовой. Его лучший наряд был безнадежно испорчен, и на мгновение ему стало так обидно, что он едва не расплакался, словно маленький ребенок. Но слабость была мимолетной и на смену ей пришла злость.

«Сволочи! Отребье! Недоноски! Чтоб вы сдохли!» – мысленно осыпая бродяг проклятиями и ругательствами, Никита вскочил на ноги и опять упал. Его сбили ударом кулака в челюсть, а затем стали бить ногами.

Изловчившись, Никита схватил одного бродягу за ногу и резко дернул. Оборванец упал рядом с ним и, не обращая внимания на других противников, Тарханиот навалился на поверженного оборвыща, обхватил его горло левой рукой, а правой стал наносить удары. Злость сделала Никиту сильнее, и вскоре лицо бродяги оказалось залито кровью.

– Получи! Получи! – кричал аристократ и никак не мог остановиться.

Вид крови опьянил его и, возможно, он убил бы своего противника. Однако его все-таки отшвырнули в сторону и стали избивать всерьез. Руками и ногами, а потом у кого-то появилась палка, которая обрушилась на его спину. Подняться Никите не давали и он, закрывшись руками, сжался в тугой комок.

– Прочь! – неожиданно в драку вмешался прохожий, крепкий блондин, не старше восемнадцати лет.

Спаситель молодого аристократа двигался быстро, ни мгновения не колебался и умел драться. Первого бродягу он свалил подсечкой, а затем сразу ударил его ногой по ребрам. Второго достал кулаком, да так ловко, что он отлетел в сторону и упал на карачки. А третий, которому уже досталось от Никиты, сам бросился наутек и блондин, подняв камень, швырнул его вслед беглецу и попал ему в спину. После чего, не останавливаясь, босяк громко закричал:

– Помогите!

Разумеется, помогать бродяге никто не стал. Прохожие, словно ничего не происходит, продолжали движение по улице. А потом, вслед за сбежавшим оборвышем, последовали его друзья. Блондин за ними гнаться не стал, а подошел к Никите, протянул ему руку и сказал:

– Вставай.

Обхватив за кисть руку спасителя, пошатываясь, Никита поднялся, посмотрел на блондина и кивнул:

– Благодарю тебе.

– Ничего. Сочтемся. – Блондин усмехнулся и представился: – Меня Дичко зовут. Я здесь часто гуляю, когда время есть. Так что повезло тебе.

– Никита Тарханиот, – аристократ снова кивнул.

– Ты как? Ничего тебе не сломали?

– Нет. Легко отделался. Все удары по телу пришлись. Ребра ноют, но переломов, кажется, нет.

– Пойдем, – Дичко потянул Никиту за рукав. – Неподалеку моя женщина хорошая живет. Умоешься и приведешь себя в порядок.

Аристократ последовал за новым знакомым и через несколько минут оказался в небольшом дворике, где пожилая женщина стирала белье.

– Матрена, помощь твоя нужна, – обратился к ней Дичко.

Охнув, женщина бросила свое занятие, а потом принесла кувшин с водой и чистые полотенца. Дичко стал помогать Никите, сливая воду ему на руки, а попутно молодые люди разговаривали и Тарханиот узнал, что его спаситель славянин и помощник купца.

Когда Никита немного привел себя в порядок, умылся и почистился, он сказал Дичко:

– Запомни, я твой должник. Если что-то понадобится, обращайся. Сейчас я никто и беден. Но настанет день и моя звезда воссияет.

– Хорошо, если так, – славянин хлопнул Тарханиота по плечу.

После этого Никита и Дичко расстались. Молодой помощник атриклиния, на ходу придумывая объяснение своего неподобающего вида, поспешил к Вуколеону. А славянин, точнее, варог Вадима Сокола, оставленный в Константинополе, проводив его взглядом, свернул в ближайший узкий проулок и обнаружил здесь избитых городских босяков.

– Где наши деньги? – ему навстречу шагнул старший из босяков, которого звали Игнат Охрид.

– Держи! – Дичко подкинул вверх серебряную монету.

Охрид поймал ее, зажал в грязном кулаке и просипел:

– Добавить надо. Этот мальчишка из благородных Феодосия крепко побил.

– Он сам виноват.

Босяк спорить не стал, а посмотрел на Дичко и вопросительно кивнул:

– Мы тебе еще нужны?

– Через три дня приходите к Матрене, – варог покосился на дом, в котором проживала пожилая женщина. – Тогда и поговорим.

– С тобой можно иметь дело, – оскалился босяк и посмотрел на своих избитых напарников: – Пошли, парни.

Бродяги, словно стая собак, легкой трусцой побежали в сторону моря. Наверняка, в таверну Мики Пафлагона, где Дичко, в далеком прошлом Вегейр Торирсон, с ними познакомился. А варог направился в лавку купца Никифора и по дороге размышлял.

Вот уже больше года Дичко находился в Константинополе и за это время он передал в Киев всего две весточки. Больше не получилось, поскольку из-за политических дразг торговля между ромеями и русичами хирела. Как это часто бывает, государи ссорятся, а купцы несут убытки. Но в ближайшую неделю варог надеялся отправить очередное послание. Вот только попадет оно в Киев лишь через три-четыре месяца. Это в лучшем случае, ибо прямого пути нет. Сначала купеческие суда пойдут в Херсонес. Потом товар окажется в городке Олешье на Днепре и только затем в Киеве.

Ну и что же варог мог написать в своем донесении?

Несмотря на отсутствие поддержки, он оброс связями, практически избавился от своего акцента и у него появились агенты. Кстати, именно они вывели варога на Никиту Тарханиота. Это люди из славянской диаспоры, которая в последние годы стала играть в Константинополе заметную роль. Молодые обедневшие аристократы, которые начинали восхождение по карьерной лестнице. Бродяги, торговцы, кухарки и слуги. Денег пока хватало, но варогу требовались

помощники, которым он мог полностью доверять. Как самому себе. Поэтому он хотел попросить о том, чтобы из Рарога прислали пару-тройку варогов.

Кроме того, не так давно Дичко получил доступ в императорскую библиотеку Константинополя. Все хотят кушать, в том числе и библиотекари, которые оберегали самое большое собрание книг в мире после Александрийской библиотеки. Вот они, втихаря, многие книги из запасников и продавали. А поскольку Дичко знал, что князь Рарога их собирает, то был уверен, что Вадим Сокол обязательно выделит на это серебро и будет доволен.

А еще варог собирался описать политическую ситуацию в государстве ромеев.

Если смотреть издалека, то дела в Константинополе идут хорошо. Власть императора крепнет, наметился союз с папой римским и германцами, венгры тоже сближаются, а турки согласны передать Мануилу Комнину пару провинций. Но, на самом деле, проблем хватало, и оппозиция императорской власти крепла с каждым днем.

Государь ромеев мечтал о воссоединении Римской империи, тяготел ко всему западному и потому часто отдавал предпочтение выходцам из Франции, Италии, Англии и Германии. Это вызывало ревность родовых ромейских аристократов и многие знатные семьи, играющие заметную роль в жизни империи, оказались в тени западных дворян, а потому отшатнулись от Мануила. Да и простой народ к императору относился прохладно. Он постоянно увеличивал армию и флот, а это повышение налогового бремени и недовольные властью Мануила Комнина люди в империи были.

Так мало того, император даже с патриархом Николаем Музаломом, которого он сам сделал главой ортодоксальной церкви, умудрился рассориться. Патриарх решил провести ряд реформ, но это не понравилось папе римскому и многим митрополитам. Началась внутренняя борьба и патриарх, несмотря на свои почти дружеские отношения с императором, потерпел поражение и сейчас находился в немилости. Это пока, а вскоре, как говорили Дичко знающие люди, его ждет лишение сана. Слишком упрям Николай Музалон, не желает уступить своим соперникам и его сильно подкосило поражение на Руси. Богатейший кусок, который приносил Константинополю постоянный доход, оторвался от империи и основным виновником этого считали патриарха...

Такова обстановка в империи и варог считал, что если получит помощь из Рарога, в столице ромеев можно половить рыбку в мутной воде.

Глава 5

Норланд. Весна 6658 от С.М.З.Х.

Деревню покинули давно и люди уходили в спешке. Они бросали свои вещи и скarb, которые могли им пригодиться, и почему они торопились, я понимал.

В Норланд пришла чума, черная смерть. Откуда и кто принес болезнь, неизвестно. Возможно, это проделки шведских купцов, которые торговали с севером и почуяли, что вендели ослабели. Но уверенности в этом, как и доказательств, у меня нет.

От поселения к поселению, от стойбища к стойбищу зараза распространялась по северным землям, и спасения не было, ибо люди бежали от болезни и сами ее разносили. Началось все осенью, если верить нашим проводникам-лапонам, а закончилось ранней весной. Умерли многие местные жители, а вендели куда-то исчезли.

Осмотревшись и прогулявшись по деревне, в которой ранее проживали Гест и покойный Олаф, чей амулет лежал в моем кармане, я сделал некоторые выводы.

Находясь за тысячу километров от своей родины, шаман узнал про чуму и не ошибся. Видимо, духи предков сказали ему правду.

Живности в деревне тоже нет. Никакой. Ни кошек, ни собак, ни овец, ни коров. Хотя сараи имелись и за поселком находились копны с сеном.

Поселение венделей больше похоже на борги шведов и норгов, чем на славянские городища. Сказывалось слияние культур и смешение кровей. Поэтому можно утверждать, что они уже давно не венеды. Язык переиначили. Сильно одичали и многие забыли кто они, откуда и как пришли в эти земли. Вендели правили лапонами, иногда торговали с купцами и совершали воровские набеги на соседей. Привычный образ жизни, своя колея, а про будущее они не думали и вот он закономерный итог. Пришла чума и, бросив олениководов, они сбежали.

Куда могли направиться вендели? Вариантов немного.

Неподалеку есть лесное святилище Морены, а за лесом, в горах, пещеры. Там шаманы проводили свои обряды, и часть жителей могла спрятаться в подземельях. Насчет взрослых не уверен, поскольку Олаф говорил, что его народ погиб. А вот дети и подростки должны находиться в укрытии. Как и древние артефакты. Разумеется, если шаман не обманул...

– Вадим! – меня окликнул Хорояр Вепрь.

– Что? – я посмотрел на него.

– Мы дорогу нашли. Проводник говорит, что она ведет к святилищу.

– По коням. Едем туда.

Отряд у меня небольшой, два десятка варягов, несколько разведчиков-следопытов из группы Калеви Лайне и пять варогов. Иван Берладник после прошлогодней битвы с венделями и другими местными жителями, проявил осторожность и вглубь Норланда идти не захотел. У него и без того забот много, ибо князь укрепляется на берегу, строит причалы и замок. Пока деревянный, а потом, если сможет потянуть, каменный поставит. Я ему не мешаю. У Берладника своя дорога и с собой его звать не стал. Собрал информацию о том, что происходит в северных пустошах, взял лошадей и двух проводников, а затем направился вверх по течению реки Петиэльв.

Добирались девять дней. В опустевшие стойбища лапонов не заходили и чужое имущество не брали, ибо зараза могла сохраняться на вещах. Ведь до сих пор не понятно, какая именно болезнь косила людей, слишком расплывчатое понятие – чума, а микробы глазом не

увидишь. Выжившие попадались редко, и они, увидев нас, сразу убегали. Пусть бегут. Сейчас не до них.

Наконец, мы добрались до конечной точки путешествия и вскоре, если удача мне улыбнется, я стану владельцем древних артефактов. Надо только венделей найти и Олафа, который моему появлению может не обрадоваться. Следовательно, про осторожность забывать не стоит...

Покинув деревню северян, по узкой дороге, которая петляла вдоль реки, мы направились на северо-запад. Впереди дозор и один проводник, испуганный пожилой мужичок. Следом основная группа, которая с правого фланга прикрыта рекой, а с левого боковым дозором из следопытов. А еще есть мое чутье на опасность. Оно молчит и это хорошо. Значит, засады нет.

Весна на севере только начинается, и солнце светит, но не греет. Однако, несмотря на это, из походной сумки вылез живойт. Змей до сих пор со мной. Зимой он впал в спячку и проснулся в тот день, когда я собирался покинуть Рарог. Честно говоря, за многочисленными хлопотами и заботами я про него совсем забыл. Но тому, что он снова со мной, обрадовался и взял живойта с собой. Хотел еще соколов прихватить, да не вышло. Птицы заболели и остались в Рароге, под присмотром ловчих.

Покинув сумку, змей прополз по моей спине и взобрался на плечо. После чего заснул. Ему все еще холодно. И, покосившись на него, я улыбнулся и потянул повод влево. Мы сворачивали с дороги в глухую чащу, к святилищу венделей, но проехали немного. Дорога исчезла и это понятно. Многие лесные капища имеют защиту из ловушек и люди ходят к ним небольшими группами, чтобы враги не смогли сразу к нему выйти.

Отряд спешился, и я снял живойта с плеча, а затем спрятал обратно в походную сумку. Все равно помощи от него пока никакой, холодно. Десяток воинов остался сторожить лошадей, а остальные углубились в лес.

Вскоре обнаружили первую ловушку. Прикрытую дерном яму с острыми кольями. Потом вторую, подвешенное между деревьями бревно с острыми шипами. А следом третью, спрятанные в прошлогодней опавшей листве колышки и капканы.

К счастью, Хеме обнаружили ловушки раньше, чем в них кто-то угодил. Мы их обошли и через полчаса вышли к святилищу Морены.

Поляна. В центре каменный круг из речных валунов. Ровная плита, на которой лежали подношения богине: засохшие цветы, какие-то травы, глиняные плошки с застывшим медом, резные фигурки и тряпичные куклы. А за плитой-алтарем статуя Морены. Я ожидал, что это будет нечто монументальное. Может быть, каменная фигура метров пять высотой или выше. Однако статуя богини была самой обычной. Украшенный рунами резной дубовый столб и женское лицо. Если не обращать внимания на знаки, можно спутать Морену с Мерцаной, Макошью или Ладой. Просто лик. Сельское капище и не более того. Никакого зла рядом не ощущалось. Да и не могло его быть.

Конечно, Морена богиня смерти и увядания. Однако она не зло. Есть тьма. Есть свет. И одно без другого немыслимо. Такова философия славян. Поэтому Морена может не только убивать, но и лечить, и принимать боль человека, который принес дар от сердца и просит о помощи. Хотя в землях венедов этой богине не поклонялись. Вспоминали, как положено, но отдельного культа и храмов в ее честь не было. Думаю, это связано с теми нехорошими поступками, которые творили предки венделей, когда еще жили вместе с венедами. Подробностей не знаю, но кровавые жертвы приносились, причем не только добровольные. Вот потому-то их на север и выбили.

«Ладно, – подумал я, прогулявшись по святилищу. – Посмотрим, что будет дальше».

Воины стали нарезать вокруг поляны круги. Они бродили больше часа, и я уже собирался отдать приказ возвращаться к лошадям, но в этот момент один из разведчиков громко закричал.

Что-то напугало бывшего воина, и я схватился за меч, а затем бросился на голос. Однако воевать было не с кем. Хеме стоял на краю обрыва. Под ним глубокий овраг, а в нем трупы людей. Много трупов. Старики, мужчины и женщины. Все вперемешку. Все одеты. Все целы, зверье никого не тронуло, что странно. Они умерли давно. Еще зимой. Тела замерзли и потому не сгнили. Лишь весной они стали оттаивать, да и то не сразу, ибо свет солнца в овраг не проникал. И сейчас они сильно воняли, а на лицах мертвецов и открытых участках тела, я заметил крупные черные фурункулы.

Сомнений не было. Мы обнаружили венделей, которые покинули свое поселение и пришли к святилищу, а потом оказались в овраге. Кто принес сюда тела? Или люди, поняв, что больны, сами бросались с обрыва вниз? Ответа не было.

– Уходим! – я отдал команду воинам.

Торопясь, как можно скорее оставить место гибели сотен людей, варяги и следопыты рысью направились из леса. Никому не хотелось подцепить заразу, которая могла распространяться по воздуху, и когда мы выбрались из чащобы, все облегченно вздохнули. Кажется, произошло.

Опять отряд выстроился в походный порядок и, обходя лес по дуге, мы направились к горам. Но добраться к пещерам засветло не получилось, и я решил сделать остановку.

Воины развели костры, и Хорояр выставил боевое охранение. Вокруг тихо и спокойно, опасаться некого и нечего. Однако с наступлением темноты я почувствовал смутное беспокойство, словно за нами кто-то осторожно наблюдает. А спустя пару минут к моему костру подсел Тапио, племянник Калеви Лайне, который в этом рейде командовал разведчиками, и он сказал:

– Вождь, за нами следят.

– Кто?

– Вендели.

– Сколько их?

– Пятеро. Я видел двоих, подростки.

– Вооружены?

– Кинжалами и луками. Сумок и рюкзаков нет. Они пришли налегке. Значит, их дом или стоянка рядом.

– Скрутить наблюдателей сможете?

– Двоих или троих. Кто к нам ближе. Остальные держатся в отдалении и успеют сбежать.

– Захватите, кого сможете.

Он кивнул, поднялся и скрылся в темноте.

Тишина. Только лошади всхрапывали и негромко переговаривались воины. Но спустя десять минут в темноте раздались громкие крики, а потом на границе света и тьмы, не долетев до костра, упала одинокая стрела.

Воины всполошились, они не знали, что рядом вендели. А потом снова возле моего костра появился Тапио, а с ним следопыты и пленники.

Молодые вендели были ошарашены тем, что они попались, и постоянно дергались. Однако от нас не сбежишь, если мы сами не отпустим, и я начал разговор с первым пленником, темноволосым худым пареньком:

– Свое имя назовешь?

Он исподлобья посмотрел на меня и опустил голову. Вендель меня понял, но решил играть в молчанку. Есть верные способы разговорить любого молчуна, но в данном случае можно не торопиться, и я продолжил:

– Меня Вадим Сокол зовут, я ведун и венедский вождь.

Сказав это, я достал амулет шамана Геста и покачал его перед лицом парня:

– Узнаешь?

Вендель покосился на амулет и резко дернулся. Он его узнал и я спросил:

– Олаф в пещерах?

В этот раз пленник не выдержал и ответил:

– Да.

– Это хорошо. Сейчас тебя отпустят, и беги к шаману. Скажи, что к нему гость, который принес последнее слово Геста.

Кивнув следопытам, я дал им понять, что отпускаю пленника, и они его освободили.

Парень медленно поднялся, покосился на своих сородичей, которых связали и кинули рядом с костром, а затем просипел:

– Что будет с ними?

– Они мои гости. Если договоримся, отпущу. Если нет, тогда смерть. Так что не стой. Поторопись.

Молодой вендель кивнул и резко отпрыгнул от костра. После чего петляя, скрылся в темноте. Видимо, он опасался выстрела в спину. Но в него, конечно же, никто не стрелял...

Ночь прошла спокойно. Своим чередом наступило холодное туманное утро, и появился шаман. Он медленно шел к нашей стоянке, не скрывался и выглядел именно так, как положено человеку его рода занятий. Древний матерый старик, сгорбленный годами и с резным посохом в правой руке. На голове меховой шлем в виде волчьей головы, а на плечах обшитая многочисленными перьями потертая медвежья шкура.

Шамана встретили следопыты и проводили к моему костру. Он присел на брошенное наземь седло, смерил меня оценивающим взглядом и положил на колени посох. Можно начинать серьезный разговор, но перед этим он указал на пленников, которые по-прежнему были связаны, и сказал:

– Отпусти мальчишек, ведун.

Я кивнул воинам. Они развязали венделей, и я спросил шамана:

– Ты Гест?

– Это мое имя, – он слегка усмехнулся. – А ты Вадим Сокол?

– Так и есть. Зачем я сюда прибыл, знаешь? – в моих руках появился амулет Олафа.

– Знаю, – шаман протянул раскрытую ладонь и попросил: – Отдай.

Спорить пока ни к чему, я передал ему амулет и он, тяжело вздохнув, снова посмотрел на меня и наши взгляды встретились. Я не отвернулся, выдержал испытание на твердость духа и Гест произнес:

– Вижу, что есть еще у венедов достойные мужи.

– Есть, – согласился я.

Краткая пауза. Он молчал, что-то обдумывал или подбирал правильные слова, а я его не торопил.

– Призрак брата приходил ко мне после смерти, – через пару минут сказал Гест. – Олаф хотел, чтобы я отдал тебе артефакты богов и вместе с последними венделями ушел под твою руку. Так мы избавимся от древнего проклятья, которое настигло наш народ. Но мне эта идея не по душе.

– Отчего же?

– Несмотря на кровное родство, для вас мы чужаки и я искал другие пути. Долго искал и о многом думал. Только ничего из этого не вышло. Нет иного пути спасения. Либо смерть и забвение. Либо потеря свободы и переселение.

– Я не собираюсь лишать вас свободы.

– Это сейчас не собираешься. А что будет потом?

«Опять двадцать пять, – промелькнула мысль. – Тут каждый год новые испытания, то крестonosцы, то внутренние свары, то еще какая напасть. А все думают о будущем, словно они могут его видеть. Или Гест желает получить какие-то гарантии?»

– Ты намерен что-то предложить, шаман?

– Давай заключим сделку.

– И каковы условия?

– Мы отдаем тебе артефакты, ты заберешь нас из этих мест и поселишь отдельно. А когда снова пошлешь свои корабли через океан, отправишь нас туда.

– Зачем?

– Я верю, что в иных землях наше племя возродится.

– Откуда ты знаешь про новые земли? Духи подсказали?

– Они, – шаман кивнул.

В принципе, мне от венделей кроме артефактов ничего не нужно и я согласился:

– Твои условия принимаются.

– Ты дашь свое слово перед ликом нашей богини?

– Да.

– Меня это устраивает.

Он хотел встать, но я его задержал:

– погоди. У меня есть вопросы.

– спрашивай, ведун.

– Сколько людей в пещерах?

– Пять десятков и еще шесть.

– Взрослые есть?

– Только молодежь, не старше пятнадцати годков.

– А что стало с остальными венделями?

– Ты же был в нашем святилище и сам знаешь, что они погибли.

– Знаю. Однако как они умерли?

Шаман нахмурился, опустил голову и ответил:

– Я почуял вестников беды за день, до их появления. Поэтому увел молодежь в пещеры и предупредил о беде вождя, который мне не поверил. Потом прибежали лапоны, они уже были больны, и зараза стала быстро распространяться. Вождь приказал убить носителей болезни и люди, пролив кровь, обезумели. Кто-то выкрикнул, что спасти жителей поселка сможет только богиня и мои сородичи пошли в лесное святилище. Что было потом, не ведаю. Несколько человек пытались попасть в пещеры, но я и мои мальчики завалили входы камнями и так спаслись.

– А почему тела твоих сородичей оказались в овраге?

– Не все погибли. Кого-то чума не смогла убить, и они сваливали тела в овраг.

– И где уцелевшие сейчас?

– Наверное, уже мертвы. Они потеряли разум и жаждали крови. Почему-то они решили, что кровь сможет прогнать чуму.

– Нам стоит их опасаться?

– Нет. Они ушли в начале зимы и больше не возвращались. Следы вели в сторону деревень, где проживают норги-изгои.

– А что с артефактами? Сколько их?

– Ты сам все увидишь.

Задав еще несколько вопросов, я приказал выдвигаться к пещерам. Отряд двигался на конях, а я вместе с шаманом пошел пешком. Хотел по дороге продолжить беседу, но не вышло. Шагая по каменистой тропе, он начал молиться и все, что мне оставалось, прислушиваться к его словам:

«Слава Тебе, Великая Темная Мать,

Слава Тебе, дочь и мать богов,

Слава Тебе, владычица смерти и подательница жизни.

Услышь меня покровительница моего племени,

Услышь меня наша праматерь и наставь на путь истинный.

Мы – дети Твои, утратили Темную тропу и блуждаем в сумраке,
Мы – потворники Твои в мире Яви лишились божественной милости,
Мы – потомки сыновей и дочерей Твоих не чувствуем опоры,
Окажи милость, Великая Темная Мать,
Обрати на меня, последнего Твоего слугу, свой взор,
Посмотри на меня, о Великолепная, и дай ответ,
Правильно ли я поступаю, о Вечная?
Укажи верный путь, дай ответ или знак,
Выведи слепого на тропу и помоги»...

Он говорил без остановки и время от времени бросал взгляды на небеса. Но его никто не слышал, и ответа, конечно же, не было. Боги далеко и сейчас им не до нас. Я это понимал, а шаман, судя по всему, не до конца. Гест продолжал надеяться. Поэтому ждал знака и бормотал свои молитвы пару часов, до тех пор пока мы не добрались к пещерам.

Вход в пещеры находился невдалеке от реки. Тропка узкая, подняться можно только по одному и шаман пошел первым. Однако я последовал за ним не сразу, потому что рядом с горой обнаружил рунный камень, выход на тропу Трояна.

«Выходит, место здесь не простое, – приблизившись к камню и осмотрев его, отметил я. – Очень может быть, что в пещерах есть что-то интересное, помимо артефактов, и когда будет время можно по ним побродить».

Отвернувшись от рунного камня, я направился вслед за Гестом.

Подъем был недолгим. Мы вошли в большую полутемную пещеру, остановились и я осмотрелся. Есть два костра и между ними разделанная туша коровы. Дым уходил вверх, в щели под сводом. Вдоль стен кучками стояли дети венделей. В основном подростки от десяти до пятнадцати лет, но были и малыши, не старше трех-четырех лет. Все худые и вид имели истощенный. Понятно, что зимой им было тяжело. Но больше меня занимало другое. Каким образом шаман смог увести молодежь из деревни? Неужели родители не возражали?

«Все-таки Гест что-то не договаривает», – подумал я и поторопил его:

– Веди к артефактам.

– Пойдем.

Он пересек пещеру и свернул в темный коридор. Разумеется, я с несколькими воинами, которые зажгли заранее заготовленные факела, последовал за ним и мы оказались в просторной комнате. Самой настоящей, которая была вырублена в скале – это сразу бросалось в глаза. А за ней еще коридоры и снова помещения.

«Когда в этом глухом месте производились работы? Кто мог это сделать? Кому это было нужно?»

Как обычно, вопросов много, а с ответами туго. А почему так? Да потому, что люди бродят по планете Земля почти двести тысяч лет. Они создают цивилизации и сами их разрушают. Однако кое-что все же остается. Даже в мое «просвещенное» время, при наличии солидной научной базы и компьютеров, было много загадок, которые никто не мог разгадать, и подземное поселение, ставшее обителью шаманов племени венделей, наверняка, построено за тысячи лет до рождения Христа. Возможно, в ту благословенную эпоху, когда боги еще жили среди людей. Ведь не зря рядом выход на тропу Трояна.

Впрочем, я выкинул мысли о прошлом из головы. Не до этого сейчас. Тем более что мы добрались до хранилища артефактов.

Очередная комната и в ней три продолговатых сундука. Крышек не было, а дерево подгнило и держалось только за счет усиления из бронзовых и медных полос.

– Владей, ведун, – шаман, горделиво вскинув подбородок, отступил в сторону и освободил проход.

Я шагнул к первому сундуку и взмахнул рукой:

– Хорояр, неси факел.

Главный телохранитель с факелом встал рядом. После чего я заглянул в сундук. Ну и что же я там обнаружил? Кинжал с костяной рукояткой. Три обломанных копейных древка с рунными наконечниками. Сверток материи. Металлическое зеркало в оправе. Слитки железа, каждый, примерно, по два килограмма весом. Небольшую раскрытую шкатулку с несколькими необработанными рубинами и полусотней изумрудов. Искусно сделанную железную корону.

Второй сундук. В нем два коротких меча и три кинжала. Круглый щит, настолько маленький, будто его делали для лилипута. Слитки меди, не меньше тридцати. Ветхий плащ красного цвета. Боевой топор. Стальная цепочка, а на ней перстень с крупным алмазом.

Третий сундук. Шлем. Кольчуга. Поножи. Пара сапог. Десяток сухих веток какого-то хвойного дерева. Тряпичный мешок, кажется, с семенами. Несколько книг из тонко выделанной кожи, предположительно, телячьей. Три бронзовых кольца. Серебряный браслет. Кузнечный молот. Вербка с наконечниками для стрел. Клыки неизвестного хищника, возможно, пещерного льва махайрода. Пояс из костяных пластин.

Все это я увидел, не прикасаясь к вещам и осмотревшись, снова вернулся к первому сундуку. На миг замер, а затем провел над ним раскрытой ладонью. Какое-то сильное излучение имелось, сомнений нет, и сила, которую можно назвать магической или волшебной, в вещах была.

Браться голой рукой за древние артефакты я остерегся. Еще не время, ибо я не настолько я крут, чтобы рисковать, и за плечами опыт, который подсказывал, что торопиться не стоит.

– Ты знаешь, что это за вещи, кому они принадлежали и в чем их суть? – я посмотрел на шамана, который оставался у выхода, следил за мной и, как мне показалось, в любой момент был готов броситься наутек.

Гест поморщился и мотнул головой:

– Нет.

– Почему?

– Знания утеряны. Шаманы, которые были до нас, иногда пользовались артефактами, а мы с братом уже не могли.

– Кто последним прикасался к артефактам?

– Мой отец и ничем хорошим это не закончилось.

– Что случилось?

– Он хотел взять железную корону и лишился руки. Она отсохла, и он потерял дар речи. А к вечеру у него отнялись ноги. Два дня отец лежал пластом и молчал, сильно мучился и умер.

– Ты точно ничего про артефакты сказать не можешь?

– Не могу. Поверь, ведун, я не лгу.

Опять я начал осматривать содержимое сундуков, а заодно поразмыслил над ситуацией, в которой оказался.

Итак, артефакты, которые принадлежали древним богам и героям, теперь мои. Цель достигнута. И что дальше? Отдавать артефакты волхвам не хотелось, ибо один раз они их уже потеряли, а последние события показали, что Венедский Союз не так уж и устойчив. Следовательно, придется все спрятать, а потом самостоятельно или привлекая особо грамотных и надежных жрецов, разбираться в сути вещей и предметов, которые являются национальным достоянием.

Конечно, на это потребуется много времени. Но разве я куда-то тороплюсь? Есть тактические задачи, которые необходимо выполнять. А исследование артефактов задача стратегическая и сейчас проблема одна. Каким образом переправить артефакты в Рарог? Хотя это как раз и не проблема, а мелочь.

Сундуки еще держатся. Под них подтянуть полога и сделать узлы, которые можно погрузить на повозку. В поселке венделей парочку видел. А потом кораблем до моего города. Ответ-

ственным за транспортировку артефактов и венделей назначу Хорояра, а сам отправлюсь домой по тропе Трояна.

«Да, так и поступлю, – с удовлетворением, подумал я. – Хорояр человек верный и неглупый, с поручением справится».

Глава 6

Галич. Лето 1150 от Р.Х.

Князь Ярослав Владимирович, сын галицкого владетеля Владимирко Володаревича, никак не мог заснуть. Время давно уже перевалило за полночь, и минувший день был весьма тяжелым. Но лишь только князь закрывал глаза, как перед его мысленным взором разворачивалась картина поражения, которое нанес ему русский царь Изяслав Мстиславич под Теребовлем. Произошло это в начале лета, месяц назад, и Ярослав до сих пор от этого не оправился.

Галицкие князья знали, что Изяслав перейдет в наступление, и готовились его отразить. Они укрепляли города и собирали войска, просили помощи у ромейского императора, созывали наемников, вербовали степных кочевников и строили планы. Вот только сил на прямой бой, дабы встретить Изяслава в чистом поле, у них все равно не хватало. Однако они могли обескровить объединенные войска Русского царства, продержаться до наступления холодов, и по приказу отца, князь Ярослав организовал оборону Теребовля. Опыт у него уже имелся, и войско под рукой молодого Рюриковича собиралось хорошее. В основе были дружинники из Галича и Владимира-Волынского, польские и венгерские наемники, часть византийских воинов под командованием знатного ромея Федора Кавасила и местное ополчение. Всего же Ярослав имел три тысячи кавалеристов, четыре тысячи пехотинцев и более десяти тысяч ополченцев. С такими силами можно было удержать укрепленный Теребовль без особого труда.

Однако русский царь не собирался брать Теребовль в осаду или штурмовать его. В силах тяжких, с большой дружиной из опытных ветеранов, киевским ополчением, черными клобуками, половцами, воинами племени голядь и отрядами вставших под его знамена князей, он прошел мимо города и направился напрямик к Галичу. Против Теребовля остался только крупный отряд легкой кавалерии и Ярослав решился на вылазку.

Дружинники из Галича и Владимира-Волынского, при поддержке ромеев и наемников, покинули Теребовль и атаковали лагерь противника. Черные клобуки и половцы выстоять против дружины не смогли и, понеся потери, они оставили богатый лагерь и отступили. После чего наемники и ромеи начали грабеж вражеских палаток и обозов. А дружинники Ярослава, во главе со своим полководцем и Федором Кавасилом, продолжили преследование отступающего противника.

Войско галицкого князя рассыпалось. Ворота города были открыты, ибо победители спешили спрятать за стены многочисленные трофеи, и в этот момент появился Изяслав Мстиславич. Оказалось, что в сторону Галича отправилась только часть его войска, а отборные полки находились неподалеку, в засаде. Царь ждал, когда Ярослав сделает ответный ход, проявил терпение и выиграл. Его конные воины без особого труда захватили городские ворота, закрепились и дождались подхода пехоты. После чего ополченцы и бояре сдались, а наемников и ромеев окружили, разбили и уничтожили.

Что же касательно Ярослава и его дружинников, то из охотников они превратились в дичь. Черные клобуки и половцы закружили вокруг отборных воинов, осыпали их градом стрел и смогли рассечь на части. Для князя, который осознал, что совершил непоправимую ошибку, все складывалось очень плохо. Следовало бежать, и только наступление темноты спасло его и Федора Кавасила от гибели или позорного плена.

В Галич, всего на день опередив передовые отряды киевлян, Ярослав привел триста сорок семь воинов. Остальные погибли, сдались на милость победителя или перешли на его сторону. Ярослав не оправдал надежд, которые возлагал на него отец, и был готов принять любое нака-

вание. Однако Владимирко Володаревич, который в последнее время сильно сдал и постарел, выслушал сына и поручил ему оборону Восточных ворот. Сдаваться он не собирался и влиятельные галицкие бояре, которые всегда противопоставляли себя князьям, заверили его в своей преданности. Они не хотели идти под власть царя, слишком это накладно и против него бунт не поднимешь. Потому и решили самые влиятельные люди Галича, что Владимирко Володаревич, который прислушивается к их мнению и имеет поддержку императора Мануила, гораздо лучше Изяслава Мстиславича.

С того дня, как киевляне обложили Галич со всех сторон, минуло десять дней. Царь строил вокруг города укрепления, готовил осадные орудия, подтягивал отставшие отряды и никуда не торопился. За это время его старший сын Мстислав Изяславич, наследник и гордость отца, взял Берестье и Владимир-Волынский. Воевода черных клобуков Иван Мелех с боем захватил Дорогобуж. А половцы хана Бачмана перешли на правый берег Днестра, разгромили отряды степняков, которые служили Владимирко Володаревичу, и начали разорять приморские городки галичан.

В общем, пока царю сопутствовал успех и галицкие владетели, несмотря на поддержку бояр и ромеев, стали понимать, что они проигрывают войну. Даже если удастся отстоять столицу княжества, городки и деревни будут разорены, а значит, что не будет дохода, смерды не соберут урожай и зимой придет голод. Но изменить они ничего не могли и продолжали сидеть за городскими стенами...

Совершенно незаметно, Ярослав все-таки провалился в сон. Спал он крепко, но недолго, ибо перед самым рассветом в его комнату вбежал верный дружинник Михай Чер, который закричал:

– Княже! Измена! Проснись!

Ярослав проснулся моментально, схватился за меч, который лежал у изголовья, и спросил Михая:

– В чем дело!?

– Бояре! Они предали нас! Киевляне входят в город через Северные ворота!

– Это точно!?

– Я своими глазами все видел! Измена!

Молодой князь быстро вскочил на ноги и начал одеваться, а попутно продолжал расспросы:

– Что с Восточными воротами!?

– У нас тихо!

– Воинов поднял!?

– Да! Они собираются во дворе!

– В детинец гонца послал!?

– Конечно!

– Где боярин Николай!?

– Не знаю!

Боярин Николай Молибожич был одним из самых влиятельных людей в городе. От слова этого знатного и богатого человека многое зависело, и Ярослав остановился в его доме недалеко от Восточных ворот. Так удобней и одновременно с этим он мог присматривать за боярином.

«Если и Молибожич нас сдал, – подумал князь, – плохи наши дела».

– За мной! – подхватив меч, Ярослав покинул опочивальню и выскочил во двор.

Воины, которых подняли по тревоге, были готовы выполнить любой приказ князя. Однако их оказалось немного. Большая часть охраняла стены и ворота, а рядом с Ярославом находился только резерв в полторы сотни. Разбить врага этот отряд не мог, но сдержать натиск киевлян и дожидаться подхода подкреплений из детинца, можно было попытаться.

- Где боярин!? – князь схватил за руку слугу, который пробегал мимо.
- У-у-уехал... – слегка запинаясь, ответил испуганный слуга.
- Когда!?
- Еще вечером?
- Один!?
- С домочадцами...
- Куда он уехал!?
- Боярин не сказал...

Князь понял, что Молибожич перешел на сторону врага, отшвырнул слугу в сторону и прошипел:

– Предатели... Кругом одни предатели... Клятвы и обещания – ничто уже не свято... А ведь крест целовали...

– Ждем твоих приказов, княже! – перед Ярославом замер пожилой сотник Ивар Гладыш. – Веди нас!

– Идем к Северным воротам! Выступаем немедленно!

Полторы сотни воинов, выстроившись в колонну, покинули подворье боярина Молибожича. А Ярослав накинул кольчугу и шлем, после чего на ходу стал затягивать ремни и поспешил вслед за дружинниками.

На одном из перекрестков просыпающегося города, отряд остановился. Ярослав решил, что сейчас начнется сражение, но дорогу его воинам преградили ромеи и он услышал голос Федора Кавасила:

– В чем дело!?

– Киевляне в городе! – отозвался Ярослав и предложил ромею: – Присоединяйся к моему отряду, Федор, вместе будем их бить!

– Само собой, я с тобой!

С Кавасилом, который мечтал поквитаться с киевлянами за поражение под Теребовлем, оказалось полсотни солдат. Они пристроились к галичанам и продолжили марш. Ярослав и Федор были ровесниками, мыслили одинаково и рвались в бой, в котором они собирались победить. Однако они опоздали. Киевляне хорошо подготовились к ночному прорыву в город, заранее подтянули несколько полков и перевес был на их стороне.

Когда галичане и ромеи дошли до городского торгового ряда они встретили царских воинов. Захватчики сходу врубились в ряды городских защитников, и завязался встречный бой. Звон стали и яростные выкрики. Свет факелов и озверевшие лица. Хрипы раненых и предсмертные стоны умирающих. Киевляне наступали уверенно, их порыв был силен, и галичане не выдержали. Вскоре защитники города стали отступать и Ярослав, выхватив верный меч, бросился в гущу сражения. Где-то рядом был Кавасил, но вскоре князь потерял его из вида. Он полностью сосредоточился на схватке, и первая победа далась ему легко.

Киевский дружинник, крепкий бородатый мужчина, получил ранение и припал на левую ногу. Тем самым он открыл правый бок и клинок Ярослава, вспоров его кольчугу, пронзил тело врага, который издал болезненный стон и лицом вниз упал на землю.

Молодая кровь играла и, подбадривая своих воинов, князь закричал:

– Вперед! Не отступать! Галич!

– Галич!!! – поддержали его дружинники.

Вокруг Ярослава сбились самые сильные воины, и небольшая группа смогла немного задержать царских воинов. Перед князем оказался новый противник. Он занес меч и хотел обрушить его на голову Ярослава, однако галичанин оказался быстрее. Князь прикрылся щитом, принял на него вражеский удар и, пригнувшись, сделал выпад из низкой стойки. Клинок поразил киевлянина, не убил, но тяжело ранил, и его утащили вглубь строя, а на Ярослава налетел следующий противник, на этот раз с шестопером.

Снова князя выручил щит, но ударить в ответ он не смог. Враги атаковали его со всех сторон, и он только защищался. А вскоре киевляне обошли остатки его отряда с флангов, и он услышал голос Гладыша:

– Княже, отступаем! Скорее! Иначе все поляжем!

Ярослав не хотел бежать, однако иного выхода не было. Следовало отступить в детинец, и он, переступив через тело мертвого Кавасила, которому разбили череп, отдал приказ:

– Отходим!

Галичане, кто еще был жив, побежали. Но вырваться из схватки удалось немногим. Лишь два десятка воинов последовали за Ярославом. А киевляне не отставали. Они преследовали беглецов по пятам, и прежде чем князь добрался до детинца, ему несколько раз приходилось вступать в бой.

Князь бился, словно необузданный северный берсерк. Он рубил и резал, кромсал клинком тела и отбивал удары. Никто не мог его остановить и Ярослав все-таки добрался до детинца. Однако здесь его ждало очередное разочарование. Дом князя, его крепость в центре города, уже был захвачен киевлянами. Враги повсюду, куда ни посмотри. Бои шли во всех концах города, и бежать было некуда.

«Наверняка, детинец тоже захватили при помощи предателей, – с горечью подумал Ярослав, а затем пришли другие мысли: – Что с отцом? Где он и сестры? Как Изяслав поступит с нами?»

– Сдавайтесь! – прерывая размышления Ярослава, к его группе, в которой осталось всего шесть воинов, начали подходить киевляне.

– Княже, – услышал Ярослав голос Михая, – прорвемся, рядом проулок есть, в него шмыгнем и скроемся.

– На прорыв! – князь вскинул меч и хлопнул Михая по плечу. – Веди!

Галичане бросились вслед Чером, который первым помчался в спасительную темноту. Однако далеко они не убежали. Киевляне осыпали охранников Ярослава сулицами и они стали падать. Сотнику Гладышу дротик вонзился в спину, а следом прилетел второй и он пронзил шею старого воина. Михая Черу сулица попала в правое бедро. Другим воинам тоже досталось, кто-то сразу погиб, а кто-то получил тяжелую рану.

Князь остался один – его узнали и не посмели убить.

«Хотя бы еще одного врага срубить», – нашептывала князю ярость.

«Надо сдаваться, Изяслав враг, но Рюрикович и не тронет дальнего родича», – говорило благоразумие.

Победу одержала ярость, и Ярослав бросился на киевлян. Он вскинул меч и уже почти достал вражеского дружинника, который смотрел на него с пренебрежением и ухмылялся. Однако в этот момент что-то тяжелое обрушилось на его шлем, и он потерял сознание...

Ярослав не погиб. Его оглушили ударом кистеня, и сделал это обычный ополченец из деревеньки под Переяславом. После ополченца наградили серебряной куной. Воинов Ярослава, кто выжил, отправили в обоз, на излечение. А самого князя отнесли в поруб и когда он пришел в себя, а произошло это вечером, его навещил царь Всея Руси.

Изяслав Мстиславич вошел в темницу без положенных приветствий. Молча, он взял тяжелый табурет и поставил его перед лавкой, на которой лежал Ярослав Владимирович. Молодой Рюрикович покосился на старого, который добился своего и покориł последнее не подчинявшееся ему княжество, а затем спросил:

– Что с отцом?

– Погиб, – ответил царь.

– А сестры?

– Они живы и здоровы. Оплакивают Владимирко Володаревича и готовятся к похоронам.

– Как отец погиб?

– Случайная стрела. Когда мои воины захватывали детинец, он выглянул в окно и ему не повезло.

– Тебе наши бояре помогли?

– Да.

– И что ты им пообещал?

По губам Изяслава Мстиславича скользнула невеселая усмешка:

– Жизнь и сохранность богатств.

– И ты сдержишь свое слово?

– Я буду его держать до тех пор, пока они не задумают меня предать. А произойдет это очень скоро. Гнилое племя галицкие бояре и веры им нет.

Ярослав закашлялся, он тянул время, а царь смотрел на него и ждал главного вопроса. Наконец, Ярослав собрался с мыслями и спросил:

– Что будет с нами, со мной и сестрами?

– Все зависит от тебя. Теперь ты старший в роду.

– Предлагаешь жизнь в обмен на верность? – уточнил Ярослав.

– Не только, – Изяслав Мстиславич помедлил и добавил: – Породниться с вашей семьей хочу. Сестра твоя, Мария, уже невеста.

– За своего второго сына ее выдашь?

– Нет.

Князь перебрал все возможные кандидатуры, но подходящей не нашел и сказал:

– Не пойму. Кого же ты предлагаешь? Неужели младшего? Так он еще мальчишка.

– Ты не понял, Ярослав. Сестра твоя станет моей женой.

– Не бывать этому! – князь попытался подняться, но в голове стрельнуло и он, прижимая к затылку ладонь, снова упал на лавку и простонал: – Ты же старый.

– Мне всего пятьдесят три года. Еще поживу.

– Я должен подумать.

– Подумай, – царь встал, подошел к двери и, не оборачиваясь, добавил: – На Галиче тебе не сидеть. Но если у нас все сладится, дам тебе в кормление Ростов. Покажешь себя и против меня злоумышлять не станешь, тогда найду тебе дело достойное, и полную свободу получишь.

Царь оставил Ярослава одного. Снаружи щелкнул запор и князь задумался. Изяслав ему не угрожал, но Ярослав понимал, что выхода у него нет. Придется встать под руку дальнего родича и отдать ему сестру, как залог. А потом... Кто знает, что будет потом? Глядишь, все переменится, удача снова улыбнется ему, и он еще вернется в Галич как законный владетель.

* * *

Париж. 1150 от Р.Х.

Закутавшись в темный плащ, который скрывал его одежду, поздним вечером королевский рыцарь Роберт де Ге подошел к небольшому домику на окраине Парижа и постучал в дверь.

Два удара. Один. И снова два.

Тишина. Дверь не открыли, и рыцарь постучал опять.

Два удара. Один. Два.

– Кто!? – из домика раздался грубый бас.

Рыцарь, который выполнял приказ своего командира и не понимал, почему он должен скрывать родовой герб, усмехнулся и ответил:

– Дядюшка Гаэтано здесь живет?

– Здесь!

– Скажи, что к нему племянник из Орлеана приехал.

После этих слов дверь распахнулась, и Роберт увидел перед собой широкоплечего горбуна в длинной серой рубахе. В правой руке у него был острый мясницкий тесак и, окинув гостя колючим взглядом, он спросил:

– Ты один?

– Да, – рыцарь кивнул.

– За тобой не следили?

– Кому я нужен? – Роберт усмехнулся.

– Да или нет? – горбун заметно напрягся.

– Нет.

– Проходи.

Горбун пропустил рыцаря в домик. Он прошел внутрь и оказался в комнате без окон. Мебели было немного: грубый стол и две широких лавки, одна возле стола, другая у очага. Под потолком горел масляный светильник.

– Ты рыцарь де Ге? – в комнате появился горбун.

– Он самый, – отозвался дворянин.

– Тот, кто хочет с тобой поговорить, скоро появится. Жди.

– Конечно.

Роберт де Ге присел на лавку возле стола, а горбун вышел в соседнюю комнату и стал что-то передвигать. Рыцарю хотелось посмотреть, чем он занят. Однако Роберт запомнил приказ своего командира Леона де Корентина по прозвищу Гуарин (Защитник) – прийти вечером к определенному дому, постучать условным стуком, назвать пароль, войти и не задавать лишних вопросов. Поэтому он проявил терпение, поправил под плащом ножны с кинжалом и замер без движения...

Как и многие французские рыцари, благородный Роберт де Ге принимал участие в Крестовом походе против славян. Он состоял в отряде телохранителей, которые оберегали жизнь короля Людовика Седьмого, но это не помешало ему сразиться с язычниками. А поскольку Роберт сражался храбро и всегда был впереди, король его заметил, а затем приблизил к себе и даже поручил переговоры с Вадимом Соколом, который захватил в плен королеву Алиенору Аквитанскую.

Тогда Роберт де Ге с порученным заданием справился. Алиенора обрела свободу и вернулась к мужу, которого не любила, а венедский вождь Вадим получил деньги и помог франкам отбиться от замысливших недоброе тамплиеров. Все остались довольны, одни больше, другие меньше, и де Ге считал, что после возвращения на родину король не забудет его, наградит и оставит при дворе. Однако вместо почестей и наград, вместо служения королю и государству, Роберта отправили в резерв. Командир королевских телохранителей Леон де Корентин, фанатично преданный династии Капетингов выходец из простонародья, велел ему уехать в родовой замок и ждать новых указаний.

Рыцарь подчинился. Он оставил Париж, вернулся в провинцию и занялся делами семьи. Ему было скучно собирать с крестьян оброк, гонять нищих, навещать соседей, торговаться с купцами и укреплять ветхие стены замка. Но он продолжал ждать вызова, которого все не было.

Не раз и не два Роберт подумывал о том, чтобы написать письмо королю или де Корентину. Однако он сдерживался, продолжал тосковать, и так пролетел год. А потом он женился на хорошей девушке из благородного, но обедневшего рода, и недавно у него родилась дочь. После чего де Ге перестал вспоминать столицу. Его жизнь свернула в новую колею, как ему казалось, и в этот момент, спустя два года, к нему, под видом бродячего менестреля, прибыл тайный посланник де Корентина. Наконец-то Роберт получил приказ, но он его уже не обрадовал и рыцарь покидал родовой замок с тяжелым сердцем...

Тем временем в соседней комнате что-то упало, и горбун громко выругался, а затем Роберт услышал второй голос. Он звучал приглушенно и неразборчиво, поэтому рыцарь напрягся. Его ладонь легла на рукоять кинжала, но опасаться было некого.

– Здравствуй, Роберт, – в комнату, где находился де Ге, вошел крупный блондин с красным лицом и крепкими мозолистыми руками.

Роберт узнал де Корентина, поднялся и кивнул:

– Приветствую тебя, командир.

– Давно ждешь? – главный королевский телохранитель подтащил к столу вторую лавку и разместился напротив рыцаря.

– Не очень, – Роберт снова присел.

– Наверное, ты в обиде на меня? Думаешь, что я отправил тебя в глушь из ревности, дабы король забыл о твоих заслугах?

Де Ге ответил честно:

– У меня были такие мысли.

– Понятное дело, – де Корентин усмехнулся. – Однако дело совсем не в зависти. Нет. Ты верный человек и предан королю. Отличился и всегда был рядом с нашим добрым государем. Поэтому за тобой стали ходить шпионы и в резерве ты оказался по личному приказу короля. А сейчас, когда про тебя забыли, пришло время вернуться на службу. Ты готов?

– Я давал клятву. Значит, всегда готов.

– Это хорошо. Потому что людей, на которых можно положиться, у нас совсем мало. Как только эта шлюха Алиенора получила развод, мы оказались на задворках мировой политики. У короля остался Иль-де-Франс, Орлеан и часть Берри. Это весь королевский домен. А у Алиеноры владения в семь раз больше, и эти земли отошли ее новому мужу Фридриху, который стал императором Священной Римской империи. А есть еще Генрих Плантагенет, вассал нашего государя, но его владения тоже больше королевских и он гораздо богаче. Понимаешь, зачем я это говорю?

– Понимаю. Кругом враги и недоброжелатели.

– Верно мыслишь, Роберт. Мы с тобой служим Людовику Капетингу, ибо только он может называться законным королем Франции. Однако наш государь вынужден идти на поводу у крупных владетелей и алчных соседей, а так же прислушиваться к мнению папы римского, который поддерживает Фридриха Гогенштауфена. И если они решат избавиться от Людовика, то сделают это очень быстро, и мы не сможем им помешать.

– Ну и что нам теперь делать?

– Идти вслед за поводаырями, которые готовят новый Крестовый поход против славян, и одновременно с этим гнуть свою линию, копить силы и вести поиск союзников. Причем делать это предстоит втайне от германцев и церкви.

Рыцарь понял, к чему клонит собеседник, и уточнил:

– Я должен стать тайным послом короля?

– Правильно.

– И куда я отправлюсь?

– На север, к язычникам.

– Неужели все настолько плохо, что мы станем союзниками тех, кто не признает Христа?

– У нас нет иного выхода. Если ты откажешься, я тебя пойму, и ты вернешься в свиту короля. Но вместо тебя задание получит другой воин, который не настолько хорош, как ты.

– Я согласен.

– Вот и ладно. Я знал, что ты не отступишь.

Роберт де Ге тяжело вздохнул, поскольку понимал, что теперь долго не увидит жену и дочь. Однако долг превыше всего, и он продолжил разговор:

– Когда я должен отправиться на север?

– Чем скорее, тем лучше. Желательно, уже завтра покинуть Париж. Так же тайно, как ты и приехал.

– Как я доберусь в земли язычников?

– Корабли венецов перекрыли Ла-Манш. Ты доберешься до Кале, где тебя будет ожидать судно, и выйдешь в море. Потом сдашься варягам.

– А если совершить путешествие по суше?

– Не получится, – де Корентин покачал головой. – Германцы контролируют все дороги и проверяют каждого путешественника.

– Даже дворян?

– Людей благородной крови в особенности.

– Они опасаются славянских лазутчиков?

– Да.

– У меня будет какое-то послание к венецким вождям?

– Сейчас нет.

– А как же я докажу, что являюсь посланником короля?

– Никак. Вся надежда на то, что ты лично встретишься с Вадимом Соколом. Он тебя знает и должен верить, что перед ним не пустышка.

– Так-так, – Роберт кивнул. – А что я должен ему сказать или передать?

– Главная мысль, которую ты обязан донести до Вадима, что король Людовик жертва обстоятельств. Он не желает воевать с венедами, ибо наша казна пуста, мы потеряли много воинов, и у Франции нет интересов на севере. Но он пойдет в поход, если его позовут. Уверенности в победе Христова воинства у нас нет и в ходе войны, которую все равно развяжут папа римский и германцы, королевские войска не будут проявлять усердие. А чтобы венедам легче было одолеть своих врагов, мы намерены делиться с ними военными планами. Но не со всеми венецкими князьями и вождями, а только с Вадимом Соколом. Насколько я понял, он человек не простой, хитрый и расчетливый. Поэтому извлечет выгоду из нашего сотрудничества и главные удары венецов обрушатся на других крестоносцев, а мы останемся в стороне. Скажи ему, Роберт, что ты лишь первая ласточка и если удастся договориться с венедами, можно будет отправить более представительное посольство. На этот раз с верительными грамотами.

– Сомневаюсь я, что Сокол станет с нами дружбу водить. Очень уж сильно он нас не любит.

– А ты не сомневайся. Ему не впервой с христианами дружбу водить. В Ла-Манше не только венецы, но и датчане под языческими флагами. Они заключили с Вадимом тайное соглашение и грабят христиан, а поймать их за руку не получается. Мне это достоверно известно.

Обдумывая слова де Корентина, рыцарь замолчал, и королевский телохранитель поторопил его:

– Тебя что-то смущает?

Де Ге поймал взгляд командира и спросил:

– Кто еще будет знать о моей миссии?

– Король, я и аббат Сугерий.

– Сугерий? – Роберт удивился. – Он же священнослужитель.

– Аббат не только Христов служитель, но и франк. Ему Крестовый поход тоже не нужен.

По крайней мере, против венецов. Знаешь, что он недавно на проповеди сказал?

– Откуда? – рыцарь пожал плечами. – Я ведь из провинции приехал.

Де Корентин наморщил лоб, вспомнил речь Сугерия в аббатстве Сен-Дени и стал ее цитировать:

«Венецы, у коих я был в плену, не ведая закона Божия, не убивают единовѣрных своих, не грабят, не обманывают, не клеветают, не воруют и никто из них не утаит вещи ближнего своего. Однако если кого из них постигнет беда, его выкупают и дают ему денег, дабы он мог

заниматься своим ремеслом, а найденные вещи объявляют на торгу. А мы, христиане, крещенные во имя Бога и постоянно слыша Его заповеди, исполнены неправды, зависти и немилосердия. Опомнитесь, люди! Своих же братьев грабим, убиваем, продаем в рабство и обижаем. А если бы можно было, то съели бы друг друга, да Бог бережет. Вельможа или простой человек, всякий руководится корыстными расчетами, придумывая, как бы кого обмануть».

Замолчав, де Корентин посмотрел на Роберта и спросил:

– Каково?

– Сильно сказано, – ответил рыцарь.

– То-то же. Какие у тебя еще вопросы?

Беседа продолжилась, и верные слуги дома Капетингов общались до самого утра. После чего они расстались. Леон де Корентин покинул дом горбуна через подземный ход, а Роберт де Ге через дверь и немедленно направился в Кале. Через трое суток на утлом суденышке он вышел в море и вскоре был перехвачен кораблем варягов. После чего, на его счастье, он смог поговорить с Ранко Саморода, который сразу понял, кто перед ним и немедленно отправил франка в Рарог.

Глава 7

Рарог. Лето 6658 от С.М.З.Х.

День не задался с самого утра.

Вечером я читал старые книги и делал пометки в дневник. Увлёкся и засиделся допоздна, поэтому заночевал в кабинете. А когда проснулся и спустился вниз, Нерейд закатила скандал. Я не скрывал от своих женщин, что женился в третий раз и в степи меня ждёт молодая красивая девушка. По местным меркам в этом нет ничего необычного или греховного. Сколько мужчина может и хочет содержать жен, столько и есть. Нерейд и Дарье это, как я уже говорил, не нравилось, но они смирились. По крайней мере, мне так казалось, и гневные выкрики супруги, которая обычно вела себя весьма сдержанно, а теперь обвинила меня в безразличии к семье, стали неожиданностью.

Ругаться не хотелось, и ударить мать своих детей, дабы вправить ей мозги, я не мог. Воспитание не позволяло. По этой причине покинул стол и вышел во двор. Нерейд успокоится и тогда с ней можно будет поговорить. Однако вскоре про нее забыл, ибо меня ожидали неприятные вести. Не одна и не две, а целых пять.

Кузнецы и литейщики сделали первую пушку. Пока еще примитивную. Вокруг древесного ствола стянули металлические полосы, которые позже склепали. После чего, не поставив меня в известность (видимо, хотели получить какой-то результат и только потом похвалиться), они произвели пробный выстрел. Пороха забили немного и каменное ядро весом в двадцать килограмм, шлепнулось в десяти метрах от орудия. Сразу забили второе ядро, увеличили количество пороха и переборщили. Пушку разорвало и четыре испытателя, три кузнеца и один литейщик, получили тяжелые ранения. Наверное, выживут, но здоровья они себе прибавили, и работы по созданию полноценной пушки замедлятся.

Следующая новость из Европы, от датского купца Маргада Бьярниссона, который занимался перепродажей бумаги из Рарога. Недавно он был в Бремене и стал свидетелем публичной казни. Германцы сжигали на кострах пленных славян, пятерых бывалых воинов и двух молодых. Судя по подробным описаниям купца, это были диверсанты Доброги и мои вароги, которые отправились в рейд вместе с ними. Католики, будь они неладны, все-таки смогли обнаружить отборных венецких воинов, окружить и даже захватили некоторых в плен. А что с ними творили в темницах бременского архиепископа, понятно. Не пирогами кормили и пивом поили, не душеспасительные беседы вели, а пытали и калечили. Муки воины претерпели ужасные — это точно. Но самое плохое, что германцы, скорее всего, смогли развязать им языки. Нет таких людей, которые не ломаются. Не бывает. И если палач не смог разговорить пленника, то это всего лишь показатель его непрофессионализма. Именно поэтому все вароги, оказавшись перед выбором, шли на смерть. А тем парням, которые заживо сгорели на площади Бремена, не повезло. Они не смогли погибнуть или их захватили врасплох.

Третья весточка прилетела из Роскилле. Мстислав Выдыбай, князь Зеландии, вышел в море и попал в шторм. В результате чего его корабль налетел на скалы и разбился. Половина экипажа, отборные варяги, погибла, и среди них был Мстислав. Вот так-то. Был у нас князь, и нет. Значит, снова предстоят выборы. Кто-то должен стать официальным вождем Зеландии и опять начнутся интриги, сговоры и закулисные переговоры. Многие захотят занять это почетное место. Но реальных кандидатов два, я и Вартислав Никлотинг.

Четвертое известие. Ватага новгородских ушкуйников атаковала торговый шведский караван, перебила людей, захватила два судна и товары, а потом ушла на Русь. Хунди Фрем-

синет в бешенстве, требует справедливости, и его посланник, который прибыл в Рарог, просил о помощи. Шведский король хотел, чтобы я поддержал его перед князьями венедов, дабы мы совместно потребовали от Новгорода выдачи преступников, а иначе он разрывает союз. Отказать я не мог и князья нашему союзнику тоже не откажут. Однако это приведет к конфликту с Новгородом, который своих ушкуйников постарается спрятать, и на то, чтобы решить эту проблему, уйдет немало времени и сил.

Ну и последняя неприятная новость, о которой я уже знал, просто мне о ней напомнили. В казне пусто. Совсем. Не осталось ни одной серебряной куны, а уже завтра нужно расплатиться с купцами, которые доставили в Рарог железо и камень. Натурой, бумагой, продуктами, оружием и доспехами, посудой и платками, они брать не станут. Договором оговорена оплата серебром. А где его взять, если мой тезка Вадим Сокол из Ладоги лично повел торговый караван с нашими грузами в Новгород и вернется только через три недели, а варяги придут из похода через месяц? А до тех пор серебра нет, и не будет, только если его занять. И когда я откажусь платить или перенесу сроки оплаты, это станет первым ударом по моей репутации. Кстати, помимо того через три дня выплата жалованья дружинникам, которых с приходом пруссов стало больше...

В общем, радоваться нечему. Настроение на нуле. Однако я заставил себя заниматься делами.

Для начала заехал на полигон, на котором испытывали пушку. Посмотрел на разорвавшееся орудие, выслушал оправдания кузнецов и литейщиков, а потом долго с ними беседовал. На тему техники безопасности и своевременного извещения начальства (меня) об успехах, неудачах и достижениях.

Затем проехался по лагерям варогов, проинспектировал процесс обучения молодых воинов и велел инструкторам рассказать ученикам о сожженных в Бремене собратях. От этого они станут злее, а кто поумнее, тот поймет, что варожья судьба переменчива. Есть не только славные деньки, когда мы побеждаем, но и плохие, когда терпим поражения.

После полудня, понимая, что предстоит неприятный разговор с купцами, отправился обратно в Рарог. Дорога шла вдоль морского берега, и я приказал остановиться. Привал. Пусть воины приготовят ужин, ибо неизвестно, что ожидает меня дома, а я пока пройдусь, соберусь с мыслями и остужу голову.

Дружинники быстро развели костры и достали припасы. Со мной всего два воина и мы спустились на каменистый пляж.

Сделав дружинникам знак отстать, я пошел по пляжу и, не торопясь, стал перебирать события последних четырех месяцев...

Хорояр Вепрь с порученным делом справился. Доставил артефакты и венделей в Рарог. Будущих переселенцев в Винланд временно поселили в заброшенной датской деревушке и жили они тихо. Поэтому вспоминали про них редко. Пройдет осень и зима, а весной они отправятся в путь, на новеньком корабле, который строят мои судостроители. Это еще один каракк. Однотипный «Сыну ветра», но улучшенный, так как у корабелов появился бесценный опыт, и они учитывают прежние ошибки. А древние артефакты у меня, и я пытаюсь понять, чьи они и в чем их чудесные свойства. Однако в одиночку сделать это не получается и я принял решение обратиться за помощью к волхвам. Если быть более точным, к одному.

Есть в Волегоще храм Велеса, а в нем жрец, которого зовут Волот, и он оберегает храмовую сокровищницу. Главная сокровищница под присмотром Войдана Лебедея – это понятно, и она в Коренице. А Волот следит за той, которая принадлежит его культу. Человек как человек, умный и твердый в своих убеждениях, старый и не лезет наверх. Ничем не примечательный служитель славянского бога. Но, как мне недавно стало известно, он большой специалист по части магических древностей и в сокровищнице Велеса хранится несколько древних вещей, среди которых золотая сошка, упавшая сотни лет назад (а может быть и тысячи) под ноги Микулы Селяниновича. Причем этот артефакт рабочий, ибо имеются живые свидетели того,

как Волот возил золотую сошку по деревням и урожаи в этих поселениях в течение нескольких лет были небывалые. Случайность? Возможно. Однако, скорее всего, жрец знает, как применять вещь иной эпохи и было бы хорошо, если бы он поделился со мной секретом. Все артефакты из моего спецхрана ему показывать не надо, а парочку можно. Глядишь, подскажет чего путевого. Мне бы только верную дорожку нащупать и понять принцип работы чудесных вещей. Где кнопка ВКЛ и ВЫКЛ, а дальше я уже сам разберусь.

О чем еще можно упомянуть?

Я женился, и моей степной супругой стала внучка Торэмена красавица Айсылу. Отбор невест прошел как-то буднично. Конечно же, с местным колоритом, песнями, скачками и плясками, но ничего особенного. Свадьба тоже не удивила. Гуляли три дня, и была брачная ночь. Все как положено. Вот только Айсылу холодна.

По слухам, она засматривалась на Девлета Кул-Иби. Однако суровый дед, спорить с которым в роду Капаган никто не решался, лично определил мужа для внучки, и мне об этом, разумеется, ничего не сказали. Да я и не спрашивал. Делил с молодой женой постель, хотя любви не было, ведь это обычный династический брак. И пока жил в степях – целый месяц не покидал орду, больше времени уделял боевому слаживанию конных сотен и тысяч, военным манерам и разговорам с вождями, чем молодой и красивой девушке. Навещал ее редко, не каждую ночь, и она по мне не тосковала. Вела хозяйство и допускала к своему телу, а большего от нее и не требовалось. По-человечески, с точки зрения морали двадцать первого века, ее можно пожалеть. Но я этого делать не собираюсь. Иные времена. Иные люди. Иные нравы. У нее есть долг перед родом и старейшинами, а у меня перед своим народом. Поэтому мы обязаны жертвовать своими личными интересами и если для лучшего управления разноплеменной и разноязыкой ордой требуется породниться с хорошим родом, я готов. В конце концов, не самая большая жертва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.